

ТОМАС ХАРРИС

Дебютный роман автора
«МОЛЧАНИЯ ЯГНЯТ»

Фильм, снятый по нему, потряс человечество

ЧЕРНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Томас Харрис. От автора «Молчания ягнят»

Томас Харрис
Черное воскресенье

«ЭКСМО»

1975

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Харрис Т.

Черное воскресенье / Т. Харрис — «Эксмо», 1975 — (Томас Харрис. От автора «Молчания ягнят»)

ISBN 978-5-699-59803-8

Суперкубок – событие года в Америке. Чтобы увидеть решающий матч двух лучших футбольных команд, многие миллионы людей по всей стране прильнули к экранам телевизоров, а на стадионе в Новом Орлеане собрались 80 тысяч человек. Но Майкл Ландер пришел сюда для того, чтобы сыграть свою собственную, безумную игру. И начаться она должна... с убийства президента США. А закончиться – самым кровавым терактом в истории человечества. Ни один болельщик не должен покинуть стадион живым! И, кажется, никто и ничто не сможет помешать этим жутким планам. Как найти одиночку среди многотысячной толпы? И как определить, откуда исходит угроза? Легче отыскать иголку в стоге сена. А часы безжалостно отсчитывают секунды, оставшиеся до катастрофы... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-59803-8

© Харрис Т., 1975
© Эксмо, 1975

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Томас Харрис

Черное воскресенье

© Бессмертная И., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Глава 1

Такси из аэропорта, дребезжа, преодолевало недолгий – всего девять километров – путь до Бейрута. Дорога шла вдоль берега, и Далия Айад, не отрывавшая взгляда от моря, видела, как в густеющей тьме белая пена прибоя утрачивает белизну по мере того, как угасают последние отблески света. Она думала об американце; знала – придется отвечать на множество вопросов о нем.

Такси свернуло на рю Верден и теперь пробиралось сквозь лабиринт улиц и переулков к центру города, в район Сабра, ставший в последнее время обиталищем множества палестинских беженцев. Водитель не ждал указаний. Он взглянул в зеркало заднего вида, осматривая улицу, затем выключил габариты и свернул в крохотный дворик чуть в стороне от рю эль-Нахель. Здесь было совершенно темно – ни огонька. Далия слышала отдаленный шум машин и стрекотанье остывающего мотора такси. Прошла минута.

Машину тряхнуло, когда сразу, рывком, распахнулись все четыре двери. Луч мощного фонаря ослепил водителя. Далия, на заднем сиденье, явственно ощутила запах ружейного масла: прямо в лицо ей уставилось дуло револьвера.

Человек с фонарем подошел к задней двери машины, и револьвер исчез.

– Джинни, – тихо сказала она.

– Выходи и следуй за мной, – ответил он по-арабски с сильным горским акцентом.

В тихой бейрутской квартире Далию ждали люди: суровые лица, напряженные позы, прямо военный трибунал. Хафез Наджир, возглавляющий элитное подразделение Джихаз аль-Расд полевой разведки «Аль-Фатаха», сидел за письменным столом, опершись затылком о стену. Это был высокий человек с не по росту маленькой головой. Подчиненные прозвали его Жук-Богомол, делая все возможное, однако, чтобы прозвище не дошло до его ушей. Если вы попадали в зону его пристального внимания, вас охватывал непреодолимый, лишающий сил страх.

Наджир – командир «Черного сентября», и «ближневосточное урегулирование» для него – пустой звук. Возвращение Палестины арабам тоже не вызвало бы в его душе восторга. Холокост¹, мировой пожар, все разрушающий очистительный огонь – в это он верил, к этому стремился. Как и Далия Айад.

Другие двое стремились к тому же: Абу Али, командующий подразделениями боевиков в Италии и Франции, и Мухаммад Фазиль, эксперт-подрывник, автор и разработчик диверсионного акта, совершенного в Олимпийской деревне в Мюнхене². Оба были членами РАСД и вместе с Наджиром составляли мозговой центр организации «Черный сентябрь». Ни сами они, ни роль, которую они играют, широко не известны, не осознаются участниками Палестинского движения сопротивления: ведь «Черный сентябрь» присущ «Аль-Фатаху», как присуща страсть всякой плоти.

Именно эти трое решили, что следующий удар «Черный сентябрь» должен нанести в Соединенных Штатах. Составили более пятидесяти планов: все они были забракованы. А тем временем американская боевая техника прибывала и прибывала в Израиль через доки Хайфы.

И вдруг пришло решение. Теперь слово было за Наджиром: если он даст плану свое «добро», осуществление операции ляжет на плечи этой молодой женщины.

¹ Холокост (*англ.* holocaust) – разрушительная война, уничтожение людей огнем. При употреблении с прописной буквы этот термин приобретает значение массового уничтожения евреев и других «неарийских» этнических групп (напр., цыган, славян и т. п.) при нацистском режиме и особенно во время Второй мировой войны.

² Во время Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене арабскими террористами были убиты 2 израильских спортсмена и еще 9 членов израильской команды были взяты в заложники. Все девятнадцать погибли во время перестрелки между террористами и полицейскими.

Она швырнула джеллабу³ на стул и повернулась к мужчинам лицом.

– Здравствуйте, товарищи.

– Приветствуем тебя, товарищ Далия, – произнес Наджир.

Он не поднялся со стула, когда она вошла. Двое других тоже не двинулись с места. За год, что она провела в Штатах, внешность ее изменилась. Брючный костюм сидел на молодой женщине прекрасно, придавая ей непривычный здесь шик. Это их несколько обескураживало.

– Американец готов действовать, – сказала она. – Не сомневаюсь, что он выполнит все как надо. Он только этим и живет.

– Устойчив ли он психически? – Казалось, Наджир впивается взглядом прямо ей в мозг.

– Вполне устойчив. Я – его опора. Он знает, что может на меня положиться и целиком от меня зависит.

– Это я понял из твоих докладных. Но шифр не способствует ясности. Есть вопросы, Али?

Абу Али внимательно вглядывался в Далию. Она знала его давно, помнила его лекции по психологии в Американском университете в Бейруте.

– Ты полагаешь, американец всегда мыслит рационально? – спросил он.

– Да.

– И все-таки ты считаешь, что он невменяем?

– Вменяемость и видимая рациональность – не одно и то же, товарищ.

– Его зависимость от тебя возрастает? Не бывает ли у него периодов, когда он испытывает к тебе враждебность?

– Иногда он враждебен, но теперь это случается все реже.

– Он импотент?

– Он говорит, что вернулся из Северного Вьетнама импотентом. Уже два месяца, как он пришел в норму.

Далия не сводила с Али взгляда. Своими аккуратными, хорошо рассчитанными жестами и блестящими глазами он напоминал ей куницу.

– Ты полагаешь, это твоя заслуга, что он больше не импотент?

– Важно не то, чья это заслуга, товарищ. Важно контролировать его поведение. В данном случае мое *тело* – орудие контроля. Если бы *оружие* оказалось здесь более эффективным, я использовала бы оружие.

Наджир одобрительно кивнул. Он знал – Далия говорит правду. Она как-то помогала подготовить трех японских террористов к акции в аэропорту Лод, в Тель-Авиве. Там они убивали всех без разбора. Поначалу японцев было четверо. Один из них сдал во время подготовки – нервы не выдержали, – и Далия на глазах у его товарищей разнесла ему череп очередь из пистолета-пулемета.

– Почему ты так уверена, что им не овладеют вдруг угрызения совести и он не выдаст тебя американцам? – не успокаивался Али.

– А если и так – что они выиграют? – спокойно возразила ему Далия. – Я мелкая сошка. Ну захватят они взрывчатку. Но ведь у них пластиковой взрывчатки и так хватает – нам ли этого не знать?

Это было рассчитано на Наджира и попало в цель: Далия заметила, как он бросил на нее быстрый взгляд.

Израильские террористы практически постоянно пользовались американской пластиковой взрывчаткой типа С-4. Наджир никогда не забывал, как вынес из взорванной квартиры в Бхандуне тело своего брата, а потом вернулся, чтобы отыскать среди развалин его ноги.

³ Джеллаба (арабск.) – мужская одежда, свободный шерстяной плащ с капюшоном.

– Американец пришел к нам потому, что ему нужна взрывчатка. Вы это знаете, товарищ, – продолжала Далия. – Я тоже нужна ему, по разным причинам. Наши цели не идут вразрез с его политическими убеждениями: у него нет политических убеждений. Понятия «совесть» для него тоже не существует – в принятом значении этого слова. Он никогда меня не выдаст.

– Давайте взглянем на него еще раз, – предложил Наджир. – Товарищ Далия, ты изучала этого человека в определенной обстановке. Я хочу показать его тебе в совершенно иных обстоятельствах. Али?

Абу Али поставил на стол шестнадцатимиллиметровый кинопроектор и выключил свет.

– Мы совсем недавно получили этот материал из надежного источника в Северном Вьетнаме, товарищ Далия. Фильм показали по американскому телевидению, но это было еще до того, как тебя приняли в Дом Войны. Вряд ли ты могла его видеть.

На стене замелькали размытые цифры – пошел начальный ракорд, послышались нестройные звуки какой-то музыки. Затем лента пошла быстрее, музыка обрела строй – зазвучал гимн Демократической Республики Вьетнам. Яркое пятно света на стене обрело очертания: стала видна беленая комната. В комнате, на полу, – американские военнопленные, десятка два. Затем в кадре – трибуна с прикрепленным к ней микрофоном. Высокий изможденный человек медленно подходит к трибуне. На нем – висящая мешком арестантская роба, такая же, как у сидящих на полу, носки и плетеные сандалии. Одна рука прячется в складках куртки, другая плотно прижата к бедру. Он кланяется вьетнамским военным чинам – они на переднем плане. Потом встает перед микрофоном и начинает говорить.

– Я – Майкл Дж. Ландер, – очень медленно произносит он. – Командор ВМС США, взят в плен 10 февраля 1967 года, после того как сбросил зажигательные бомбы на больницу для гражданских лиц близ Нин Бина... близ Нин Бина. Несмотря на то что я являюсь военным преступником и доказательства моих преступлений неопровержимы, Демократическая Республика Вьетнам не прибегла к наказанию меня, но продемонстрировала страдания, явившиеся результатом американских военных преступлений, совершенных мной и другими... и другими. Я раскаиваюсь в том, что совершил. Я раскаиваюсь, что мы убивали детей. Я призываю американский народ покончить с этой войной. Демократическая Республика Вьетнам не питает вражды... не питает вражды к американскому народу. Только к поджигателям войны, которые у власти. Мне стыдно за то, что я совершил.

В кадре – военнопленные, сидящие смирно, словно старательные ученики. Их лица совершенно лишены выражения. Фильм заканчивается. Снова звучит гимн.

– Топорная работа, – произнес Али по-английски. – Руку они ему, видимо, привязали. Английский его почти безупречен.

Пока шел фильм, Али внимательно следил за Далией. Лишь на секунду расширились ее зрачки, когда в кадре крупным планом возникло изможденное лицо Ландера. Все остальное время она оставалась совершенно бесстрастной.

– Бомбил зажигалками больницу... – задумчиво продолжал Али. – Значит, опыт в таких вещах у него есть.

– Он летал на спасательном вертолете. Его захватили, когда он пытался взять на борт экипаж подбитого «Фантома», – возразила Далия. – Вы же все читали мои докладные.

– Я читал то, что он тебе рассказал, – ответил Наджир.

– Мне он говорит правду. Он не умеет лгать. Я прожила с ним два месяца. Я знаю.

– Ну, во всяком случае, большого значения это не имеет, – заявил Али. – Есть масса других его особенностей, которые нас интересуют.

И более получаса Али расспрашивал ее о самых интимных деталях поведения американца. Когда расспросы закончились, Далии показалось, она слышит знакомый запах. Возник ли он в этой комнате на самом деле или просто работало воображение, но Далия мысленно

перенеслась в лагерь палестинских беженцев в Тире. Она увидела себя восьмилетней девчушкой, собирающей в узел влажное тряпье с постели, на которой ее мать и мужчина, приносивший им еду, вздыхали и стонали всю ночь.

Затем за расспросы принялся Фазиль. У него были сильные, ловкие руки техника, кожа на кончиках пальцев загрубела. Он наклонился вперед, не вставая со стула; набитая сумка лежала у его ног.

– Твой американец когда-нибудь имел дело со взрывчаткой?

– Только со стандартными боеприпасами. Но он все тщательно спланировал и рассчитал до мельчайших деталей. План его представляется мне вполне разумным, – ответила Далия.

– Он представляется разумным тебе, товарищ. Возможно, оттого, что ты с такой *страстью* включилась во все это. Мы сами разберемся, так ли уж он разумен.

Если бы только американец был здесь! Жалко, что эти люди не могут сейчас услышать его голос, его размеренную речь; послушать, как постепенно, деталь за деталью, раскладывает он по полочкам свой ужасающий проект и тот оказывается всего лишь серией задач, каждая из которых имеет свое решение.

Она набрала в легкие побольше воздуха и принялась за разъяснение технических деталей проекта, цель которого – уничтожить 80 тысяч человек: всех сразу, вместе с недавно избранным президентом и на глазах у всего населения страны.

– Главная проблема – вес, – говорила Далия. – Мы вынуждены ограничиться шестьюстами килограммами пластиковой взрывчатки. Дайте мне, пожалуйста, сигарету, ручку и лист бумаги.

Склонившись над столом, она изобразила на бумаге дугу, напоминающую пологую чашу в разрезе. Внутри дуги, несколько выше, провела еще одну, поменьше, но совпадающую по параметрам.

– Это цель, – сказала она, указывая на первую кривую. Затем провела ручкой вдоль второй линии: – Принцип создания бомбы определенной формы...

– Ясно, ясно, – резко прервал ее Фазиль. – Как мина «Клеймор». Это элементарно. А плотность толпы?

– Обычно сидят плечо к плечу, один ряд выше другого, так что угол поражения большой – от бедер и выше. Теперь насчет взрывчатки: мне нужно знать...

– Товарищ Наджир скажет тебе все, что тебе нужно знать, – начальственным тоном заявил Фазиль.

Но Далия продолжила как ни в чем не бывало:

– Мне нужно знать, какую именно взрывчатку собирается выделить мне товарищ Наджир. Если это противопехотные пластиковые мины типа «Клеймор», начиненные стальной шрапнелью, они нам не годятся. Проблема веса заставляет нас использовать пластиковую взрывчатку в чистом виде. Корпуса мин и шрапнель этого типа нам не подходят.

– Почему?

– Из-за веса, разумеется. – Фазиль ей до смерти надоел.

– Как это – без шрапнели? Что же тогда, товарищ? Если вы рассчитываете исключительно на силу взрыва, то позволь сообщить тебе, что...

– Нет уж, позволь мне кое-что сообщить тебе, товарищ. Мне нужна ваша помощь, и я ее приму. Но я не просила об экспертизе. Мы ведь тут не друг с другом боремся: Революция – наше общее дело, и зависти здесь нет места.

– Сообщи ей то, что она хочет знать. – В голосе Наджира звучали жесткие нотки.

Фазиль поспешил объяснить:

– Это пластиковая взрывчатка, без шрапнели. Как вы собираетесь ее использовать?

– Корпус бомбы снаружи будет в несколько слоев усажен винтовочными шипами калибра 4,49⁴. Американец полагает, что вертикальный разброс достигнет 150 градусов при горизонтальной зоне поражения в 360. При этом в зоне поражения на каждого присутствующего придется в среднем по 3,5 снаряда.

Фазиль смотрел на нее во все глаза. Ему приходилось видеть, как действует американская мина «Клеймор» величиной всего-то со школьный учебник: взрывом пробило кровавую брешь в колонне атакующих солдат и словно косой выкосило траву вокруг. То, что предлагала эта женщина, было бы равно действию тысячи таких мин, взорванных одновременно.

– А взрыватель?

– Электрический, на 12 вольт, питание от бортовой сети. Резервное питание – от запасного аккумулятора; и еще – бикфордов шнур.

– Все, – произнес подрывник. – Вопросов больше нет.

Далия подняла на него глаза. Он улыбался. Трудно было понять – потому ли, что был удовлетворен, или оттого, что боялся Хафеза Наджира. Интересно, подумала она, знает ли он, что нижняя дуга – это стадион «Тьюлейн», где двенадцатого января будет сыграна первая часть – двадцать одна минута – матча на Суперкубок?⁵

Целый час пришлось Далии прождать в другой комнате, дальше по коридору. Когда ее снова провели в кабинет Наджира, командир «Черного сентября» был там один. Сейчас она узнает, что они решили.

В комнате было темно. Горела лишь настольная лампа. За письменным столом Наджир, прислонившийся спиной к стене, был погружен в тень – словно плащом окутан. Лампа высвечивала лишь кисти его рук: пальцы ощупывали и поворачивали из стороны в сторону черный десантный штык. Он заговорил, и голос его был тих и вкрадчив:

– Добро, Далия. Принимайся за дело. Пусть мрут, как мухи.

Он резко наклонился вперед, к свету, словно сбросив с плеч тяжкую ношу, в улыбке на темном лице ярко блеснули зубы. Открывая сумку Фазиля, Наджир оживился и даже повеселел. Теперь он держал в руках небольшую статуэтку – фигурку Божьей Матери, Мадонну, точно такую, какие обычно стоят в витринах магазинчиков, торгующих церковной утварью. Статуэтка была наспех сделана и аляповато раскрашена.

– Ну-ка, посмотри внимательно, – сказал он.

Далия повертела фигурку в руках. Весит граммов пятьсот, на гипс не похоже. С боков – чуть заметный шов, будто статуэтка сделана в пресс-форме, а не отлита целиком. По доньшку – надпись: Made in Taiwan⁶.

– Пластиковая взрывчатка, – сказал Наджир. – Как американская С-4, только сделана чуть дальше на восток. Имеет преимущества. Во-первых, она более мощная – правда, за счет несколько меньшей стабильности. Кроме того, она легко поддается формовке при нагреве чуть выше 50 градусов. Тысяча двести таких фигурок будут доставлены в Нью-Йорк ровно через две недели – считая с завтрашнего дня, на борту грузового судна «Летиция». В документах будет указано, что груз доставлен транзитом с Тайваня. Импортер – Музи – получит его в порту. После этого вы позаботитесь о том, чтобы он молчал.

Наджир встал и с удовольствием потянулся.

– Ты хорошо поработала, товарищ Далия, и, кроме того, ты проделала долгий путь. Теперь ты отдохнешь. Вместе со мной.

⁴ Винтовочные шипы – поражающие элементы, которыми снаряжаются винтовочные патроны. Имеют форму утолщенной к тупому концу иглы, используются для расширения зоны поражения.

⁵ Матч на Суперкубок – финальный матч на первенство США по американскому футболу.

⁶ Made in Taiwan (англ.) – Сделано на Тайване.

Наджир занимал скудно обставленную квартиру на верхнем этаже дома № 18 на рю Верден, точно такую, в каких, на других этажах того же дома, жили Фазиль и Али.

Далия сидела на краю кровати, держа на коленях небольшой магнитофон. Наджир приказал ей наговорить пленку, которую «Радио Бейрут» запустит в эфир после нанесения удара. Женщина была обнажена, и Наджир, внимательно наблюдавший за ней с кушетки, на которой он удобно расположился, видел: ее явно возбуждает то, что она произносит в микрофон.

– Граждане Америки, – говорила она, – сегодня борцы за освобождение Палестины нанесли сокрушительный удар в самое сердце вашей страны. Этот ужас навлекли на вас торговцы смертью – те самые, что обитают на вашей земле, те, кто снабжает орудиями смерти израильских палачей. Ваши правители оказались глухи к рыданиям бездомных. Ваши правители спокойно взирали на преступления израильтян в Палестине и сами совершали преступления в Юго-Восточной Азии. Оружие, боевые самолеты и сотни миллионов долларов потоком текут из вашей страны в руки поджигателей войны, а миллионы бедняков на вашей земле мрут от голода. Народ не должен молчать.

Люди Америки, прислушайтесь к нашим словам. Мы хотим стать вашими друзьями и братьями. Вы сами должны сбросить иго грязных подонков, правящих вами. Отныне за каждого араба, павшего от руки израильтянина, от руки араба падет американец. За каждую мусульманскую святыню, за каждую христианскую святыню, разрушенную иудейскими бандитами, в знак отмщения в Америке прогремит взрыв. – Лицо Далии заливал румянец, соски напряглись. Она продолжала: – Мы надеемся, что нам не придется больше прибегать к столь жестоким мерам. Выбор за вами. Мы верим – нам не нужно будет начинать каждый новый год с кровопролития, неся людям страдания и беды. Салам алейкум!

Наджир стоял теперь прямо перед нею, и она всем телом потянулась к нему, когда он сбросил на пол халат.

Километрах в трех от комнаты, где Далия и Наджир сплетались в объятиях, сминая простыни, маленький ракетный катер израильских ВМС бесшумно скользил по глади Средиземного моря, направляясь к берегу. Он встал на якорь примерно в тысяче метров от Голубинового грота. На воду была спущена надувная лодка с низкими бортами. В нее уселись двенадцать вооруженных мужчин. Все они были в костюмах и при галстуках; только у одних костюмы были сшиты русскими портными, у других – арабскими, а то и французскими. У всех ботинки на упругой резиновой подошве – и никаких документов. Лица их суровы и жестки. В Ливане эти люди не впервые.

В свете молодого месяца вода залива казалась дымчато-серой. С берега дул теплый ветерок, поднимая легкую зыбь. Восемь мужчин взялись за весла: они гребли, откидываясь далеко назад, стараясь как можно быстрее преодолеть четыреста метров до песчаной косы близ рю Верден. Было раннее утро: четыре часа одиннадцать минут. До рассвета оставалось двадцать три минуты, и семнадцать – до того момента, когда над городом раскинется яркая голубизна дневного неба. Молча и совершенно бесшумно они вытащили лодку на песок и укрыли песочного цвета брезентом. Так же молча и очень быстро зашагали через пляж к рю Рамлет эль-Бэйда, где их ждали еще четверо мужчин и четыре машины, темными силуэтами вырисовывавшиеся на фоне ярких огней туристского центра чуть дальше к северу от берега.

До машин оставалось всего несколько метров, когда перед ними так резко, что взвизгнули тормоза, остановился коричнево-белый «Лендровер». Яркий свет фар выхватил из тьмы маленький отряд. Двое в светло-коричневых мундирах выскочили из машины с оружием на изготовку.

– Ни с места! Предъявить документы!

И тут словно лопнули зернышки воздушной кукурузы, а из мундиров ливанских полицейских поднялись крохотные облачка пыли. Оба полицейских упали на дорогу, изрешечен-

ные пулями из «парабеллумов», снабженных глушителями. Третий, тот, что за рулем, нажал было на газ, но пуля, пробив ветровое стекло, впиалась ему в лоб. Машина врезалась в ствол придорожной пальмы, а полицейский упал грудью на клаксон. Двое боевиков тут же бросились к машине и оттащили мертвое тело в сторону, но в прибрежных домах уже зажигались огни.

Где-то поблизости отворилось окно, и сердитый голос прокричал по-арабски:

– Что за шум вы тут устроили, черт бы вас всех побрал? Эй, кто-нибудь, полицию позовите!

Командир группы, стоявший у самого «Лендровера», откликнулся тоже по-арабски, хрипло и пьяно:

– А Фатима где? Пусть идет скорей, а то уедем.

– Ах ты, пьянь худая! А ну, катись отсюда, да поживей, не то сам полицию позову!

– Алейкум ассалам, сосед, я уже ухожу, – откликнулся с улицы пьяный голос, и окно затворилось, свет погас.

Не прошло и двух минут, как воды моря скрыли и «Лендровер», и мертвые тела трех полицейских.

Две из ожидавших машин направились на юг по рю Рамлет, а другие две свернули на Корниш Ра Бейрут и, проехав два квартала, снова повернули на север, на рю Верден...

Дом № 18 по рю Верден охранялся круглые сутки. Один пост находился в вестибюле, другой часовой с пулеметом дежурил на крыше дома на противоположной стороне улицы. Сейчас этот часовой лежал за своим пулеметом в странной позе; в лунном свете казалось – перерезанное горло кровавой улыбкой улыбается небесам. Часовой с поста в вестибюле лежал у входа на улице: он вышел посмотреть, что за пьяница распевает там во весь голос колыбельную.

Наджир уже спал, когда Далия тихонько высвободилась из его объятий и прошла в ванную. Она долго стояла под душем, наслаждаясь: сильные, обжигающе-горячие струи показывали кожу. Наджир оказался не таким уж потрясающим любовником. Далия усмехнулась, намыливая тело. Погруженная в воспоминания об американце, она не услышала шагов в коридоре.

Наджир приподнялся с кровати, когда дверь комнаты рывком распахнулась и луч фонаря ударил ему в глаза.

– Товарищ Наджир! – прозвучал требовательный оклик.

– Я!

Он успел еще увидеть вспышки: автоматная очередь прошла его насквозь, отбросив к стене; фонтаном брызнула кровь. Убийца сбросил в мешок все, что лежало на письменном столе Наджира, когда комнату сотряс взрыв, раздавшийся где-то в другой части дома.

Обнаженная женщина в дверях ванной, казалось, от ужаса обратилась в ледяную статую. Убийца направил автомат прямо ей в грудь. Он уже готов был нажать на спусковой крючок, но грудь была так хороша... Автомат дрогнул в его руках.

– Ну, ты, шлюха арабская, прикройся чем-нибудь. – И, пятясь, он вышел из комнаты.

Двумя этажами ниже взрывом вырвало кусок стены в квартире Али. Он и его жена погибли тут же, на месте. Боевики, откашливая пыль, уже отходили к лестнице, когда им навстречу, из квартиры в конце коридора, вышел худенький человечек в пижаме, пытавшийся взвести курок автомата. Он все еще пытался это сделать, когда его насквозь прошла автоматная очередь, дырявя пижаму, вырывая куски тела, пятная кровью коридор.

Боевики выбрались на улицу, и машины их уже с ревом мчались на юг, к морю, когда в отдалении взвыли полицейские сирены.

Далия, в халате Наджира, прижимая к груди сумочку, в считанные секунды оказалась на улице, смешавшись с толпой возбужденных и испуганных жителей окрестных домов. Она пыталась сосредоточиться, привести в порядок мысли, когда жесткие пальцы сжали ее руку

повыше локтя. Это был Мухаммад Фазиль. Пулей ему поранило щеку, по которой теперь тянулась кровавая полоса. Обмотав галстуком ладонь и пытаясь зажать рану, он спросил:

– Наджир?

– Убит.

– Я думаю, Али тоже. В его квартире вышибло окно, как раз когда я выезжал из-за угла. Я пытался стрелять из окна машины, но... Теперь слушай внимательно. Это – приказ Наджира. Твое задание должно быть выполнено во что бы то ни стало. Взрывчатка в порядке, судно придет точно, как запланировано. Автоматическое оружие тоже: твой пистолет-пулемет и «АК-47» упакованы отдельно, в ящиках с запасными частями для велосипедов.

Далия взглянула на него. Глаза ее покраснели от дыма.

– Они нам за все заплатят, – сказала она. – Они заплатят десятками тысяч жизней за каждого из нас.

Фазиль отвез ее в безопасное место, в тихий дом в районе Сабра, чтобы она могла спокойно дожидаться вечера. Когда стемнело, он на своем дряхлом «Ситроене» поехал с ней в аэропорт. Платье, которое ей одолжили, было размера на два больше, чем нужно, но Далия так устала, что ей было все равно.

В десять тридцать «Боинг-707», самолет компании «Панамерикэн», с ревом взлетел над Средиземным морем. Прежде чем за правым крылом самолета скрылись огни арабского города, она уже спала тяжким сном смертельно уставшего человека.

Глава 2

В это самое время Майкл Ландер занимался своим самым любимым делом. Он пилотировал дирижабль фирмы «Олдрич», повисший в трехстах метрах над стадионом «Орандж Боул» в Майами. Дирижабль служил как бы постоянной удобной вышкой для телевизионщиков, расположившихся в гондоле позади Майкла. Внизу, в битком набитой людьми чаше стадиона, чемпион мира – команда «Майами Долфинз» – громила игроков «Питтсбург Стилерз»⁷.

Рев болельщиков почти совсем заглушал потрескивание рации над головой Майкла. В жаркие дни, когда дирижабль зависал над стадионом, Майклу казалось, что он чувствует запах разогретых тел, что его держит в воздухе мощный восходящий поток человеческих испарений и бессмысленных воплей сбившихся в кучу людей. Ландеру казалось – его заливают поток грязи. Гораздо больше он любил перелеты из города в город. Тогда в гондоле было чисто и тихо.

Ландер очень редко бросал взгляд вниз, на поле. Он старался не упускать из вида верхний край чаши стадиона и воображаемую линию между вершиной флагштока и горизонтом: это помогало ему держать высоту точно метр в метр.

Ландер был пилотом каких мало, особенно в этой области. Управлять дирижаблем не так-то легко. Огромная поверхность при нулевой плавучести⁸ делает дирижабль добычей всех ветров, и только высокое мастерство пилота может удержать аппарат на месте. Ландер обладал врожденным чувством ветра – такое бывает у моряков. Кроме того, у него был особый дар, присущий только самым искусным пилотам дирижаблей, – дар предвидения. Движения воздушного корабля цикличны, и Ландер предугадывал их на два хода вперед, удерживая своего огромного серого кита в воздушном потоке точно так, как в реке удерживается, стоя носом против течения, рыба: приопуская нос навстречу сильным порывам ветра и поднимая в моменты затишья. Тень воздушного гиганта укрывала зону защиты почти наполовину. В перерывах между таймами многие зрители разглядывали дирижабль, некоторые приветственно махали пилоту. Серая громадина, неподвижно висящая над ними в ясном небе, непрестанно поражала их воображение.

В мозгу у Ландера словно работал автопилот. И пока этот автопилот давал ему четкие и до мельчайших деталей ясные указания, какие именно поправки нужно в данный момент сделать, чтобы удержать дирижабль на месте, Майкл думал о Далии. О темном пушке у нее на поясице и о том, как приятно ощущать под ладонью этот пушок. О том, как белы и остры ее зубы. О вкусе меда и соли на губах.

Он взглянул на часы. Далия возвращается. Уже час, как она должна была вылететь из Бейрута.

Ландер вполне спокойно и легко мог думать о двух вещах: о пилотировании и о Далии.

Его изуродованная левая рука плавно перевела рычаг газа и регулятор шага воздушного винта, а правая повернула штурвал высоты, находящийся прямо у кресла пилота. Огромный корабль быстро пошел вверх. Ландер произнес в микрофон:

– Нора один ноль, висеть закончил. Набираю четыреста, выполняю облет стадиона, иду домой.

Диспетчер аэропорта Майами весело отозвался:

– Нора один ноль, вас понял.

Авиадиспетчеры и радисты аэропорта всегда рады были поговорить с «пузырем» – как в Америке прозвали дирижабль с мягким покрытием. Любили и подшутить над пилотом, зная,

⁷ «Майами Долфинз» – (англ. Miami Dolphins) – дельфины из Майами. «Питтсбург Стилерз» – сталевары из Питтсбурга. Название «Steelers» образовано от англ. «steel» – сталь.

⁸ «Нулевая плавучесть» – зд.: состояние полной неподвижности.

когда он пролетит. Этот «пузырь» вызывал у людей такое же умиление, какое обычно вызывает панда. Для миллионов американцев, постоянно видевших этот корабль над стадионами во время спортивных игр или над площадями в дни праздничных ярмарок, «пузырь» был огромным, добродушным, медлительным и дружелюбно настроенным существом, плывущим над ними в ясном небе. Его иначе и не называли, как «кит» или «слон». Никому и в голову не приходило сравнивать его с бомбой.

Игра закончилась, и семидесятиметровая тень дирижабля скользила теперь по растянувшейся на многие мили череде машин: болельщики покидали стадион. Телеоператор с ассистентом уже упаковали свою аппаратуру и теперь жевали сэндвичи. Ландер часто поднимал эту бригаду в воздух.

Клонясь к горизонту, солнце ало-золотым огнем зажгло воды Бискайнского залива. Дирижабль завис над водой, а затем полетел на север, метрах в сорока от прибрежной полосы Майами-Бич⁹. Телевизионщики вместе с бортинженером рассматривали в бинокли девушек в бикини. Некоторые из купальщиц махали им в знак приветствия.

– Эй, Майкл, а «Олдрич» презервативы тоже выпускает? – с набитым ртом крикнул ему Пирсон, телеоператор.

– А как же, – ответил Ландер, полуобернувшись. – Презервативы, автопокрышки, резиновые вкладыши для антиобледенительных устройств, вставки для стеклоочистителей, плавающие игрушки, детские воздушные шарiki и мешки для трупов.

– Слушай, а ты презервативы бесплатно получаешь, раз у них работаешь?

– А ты как думал? Один и сейчас на мне.

– А как это – мешки для трупов?

– А это такие мешки резиновые, большие. Безразмерные. Один размер на всех подходит, – ответил Ландер. – Темные внутри. Дядюшка Сэм их вместо презервативов использует. Как увидишь какой-нибудь, так и знай – Дядюшка Сэм тут точно кого-то трахнул.

Пирсон. Вот бы нажать кнопку – и нет его. Да и других тоже.

Зимой дирижабль выпускали в воздух не так уж часто. Зимой он помещался недалеко от Майами, в огромном ангаре, рядом с которым все другие строения у летного поля казались обиталищами лилипутов. Весной он отправлялся в северные районы страны, перелетая от ярмарки к ярмарке, от стадиона к стадиону со скоростью от 35 до 60 узлов¹⁰, в зависимости от направления и скорости ветра. Компания «Олдрич» зимой предоставляла Ландеру квартиру в Майами, недалеко от аэродрома. Но сегодня, как только воздушный корабль был поставлен на прикол, Майкл поспешил в аэропорт и рейсом компании «Нэшнл» вылетел в Ньюарк, откуда рукой подать до его дома в Лейкхерсте, что в штате Нью-Джерси. Кстати, Лейкхерст – северная база дирижабля.

Когда Ландера бросила жена, она оставила дом ему. Сегодня огни в гараже, который служил ему мастерской, горели далеко за полночь: Ландер работал и ждал Далию. Сейчас он размешивал в банке на верстаке эпоксидную смолу, ее резкий запах заполнил весь гараж. На полу позади Ландера лежал странной формы предмет длиной около шести метров. Это была огромная болванка, сделанная из корпуса небольшой яхты. Майкл перевернул корпус и распилил его вдоль киля. Теперь половинки были раздвинуты примерно на сорок пять сантиметров и соединены вместе дугообразной металлической полосой. Сверху болванка казалась похожей на огромную подкову идеально обтекаемой формы. На создание этой болванки Майклу пришлось затратить не одну неделю свободного от работы времени. Теперь она была полностью готова и лоснилась от масла.

⁹ Майами-Бич – остров-курорт у восточного побережья штата Флорида (США), знаменитый своими пляжами и тропическим климатом. Отделен от материка и города Майами Бискайским заливом. Действует круглый год.

¹⁰ Узел – мера скорости, равная одной морской миле в час. Морская миля – 1852 м.

Тихонько насвистывая, Ландер слой за слоем накладывал на болванку пропитанную эпоксидной смолой стеклоткань, тщательно ровняя края. Когда этот кокон из стеклоткани просохнет и будет снят с болванки, получится легкий, гладкий кожух, который точно подойдет под днище гондолы. Отверстие в самом центре кожуха придется как раз на шасси с единственным колесом «пузыря», сюда же выйдет и штыревая антенна гондолы. Силовая рама, которая будет вставлена в этот кожух, висела на вбитом в стену гаража гвозде. Очень легкая и прочная, она имела двойное основание из трубок легированной стали и шпангоуты из того же материала.

Ландер превратил этот гараж для двух машин в мастерскую, еще когда был женат. Здесь, до того как его отправили во Вьетнам, он сделал почти всю мебель для дома. Вещи, которые его жена не захотела взять, уходя, до сих пор были сложены под крышей: высокий детский стульчик, складной стол для пикника, плетеная садовая мебель. Яркий свет люминесцентной лампы резал глаза, и, трудясь над болванкой, Майкл надевал бейсболку.

Не переставая насвистывать, он медленно ходил вокруг огромной болванки, разглаживая поверхность пропитанной смолой стеклоткани и осторожно ступая, чтобы не порвать газеты, устилавшие пол. Только раз остановился, глубоко задумавшись.

Чуть позже четырех раздался телефонный звонок. Ландер взял трубку.

– Майкл?

Он не переставал удивляться ее оксфордскому английскому и сейчас очень ясно представил себе, как прячется телефонная трубка в ее рассыпавшихся темных волосах.

– Кто ж еще?

– Бабушка здорова. Я в аэропорту. Скоро приеду. Не жди меня, ложись.

– А как...

– Майкл, мне так хочется увидеть тебя поскорей. – И она повесила трубку.

Уже почти рассвело, когда Далия свернула на подъездную аллею к дому Ландера. Окна в доме были темны. Ей было страшно, но не так, как раньше, когда они впервые встретились. Тогда ей показалось, что с ней в комнате находится змея, только ей не видно – где. После того как Далия поселилась вместе с ним, она научилась отделять смертельно опасного Майкла Ландера от Майкла Ландера нормального. Теперь, когда они были вместе, змея по-прежнему находилась рядом, только Далия была уже не одна, а вдвоем и знала, где прячется змея, спит она или бодрствует.

Далия вошла в дом, стараясь устроить побольше шума, нарушить гнетущую тишину, и, поднимаясь по ступенькам, певуче окликнула: «Ма-айкл!» – боялась его напугать. В спальне было совершенно темно.

Остановившись в дверях, Далия разглядела во тьме огонек его сигареты – мерцающий красный глаз.

– Привет, – произнесла она.

– Иди сюда.

Она пошла сквозь тьму туда, где мерцал огонек. Ногой задела дробовик, небрежно брошенный на пол у кровати. Все в порядке. Змея спит.

Ландеру снились киты, и ему не хотелось просыпаться. Во сне он летел надо льдами на дирижабле ВМС; день все длился, длился без конца, и огромная тень дирижабля ползла по ледяному полю. Год был 1956-й, Майкл вел дирижабль к Северному полюсу.

Киты нежались в лучах полярного солнца и заметили дирижабль, лишь когда он оказался почти прямо над ними. Майкл услышал странные звуки, увидел, как взметнулись мощные хвосты, подняв фонтаны брызг, и киты исчезли под голубоватыми арктическими льдами. Глядя вниз из иллюминатора гондолы, Майкл мог еще видеть, как неподвижно стоят они в воде подо льдом. В холодной голубизне. Там, где спокойно и тихо.

А вот и полюс, и магнитный компас совсем взбесился. Солнечная активность создавала помехи, и теперь нельзя было полагаться на сигналы радиомаяка. Флетчер у штурвала держал высоту, а Майкл ориентировал корабль по солнцу. Сбросили флаг на тяжелом флагштоке с заостренным концом, и он, трепеща на ветру, полетел вниз, на лед.

– Компас, – произнес Майкл, проснувшись в собственной постели. – Компас.

– Радиомаяк на Шпицбергене в порядке, Майкл, – сказала Далия, коснувшись его щеки. – Я принесла тебе завтрак.

Она знала этот сон наизусть. Пусть почаще видит во сне китов. С ним тогда легче управляться.

Ландеру предстоял тяжелый день, а ее рядом не будет. Она раздвинула шторы, и комнату заполнил яркий свет солнца.

– Как не хочется, чтобы ты туда шел!

– Сколько раз можно повторять? – ответил Ландер. – Если ты имеешь право летать, они с тебя глаз не спускают. Не пойду я к ним, они сюда инспектора из Управления по делам ветеранов пришлют, с опросником. Форма всегда одна и та же. Вроде этого: «а) Отметьте состояние дома и участка. б) Не находится ли обследуемый в подавленном состоянии?» И так без конца.

– Ты вполне можешь с этим справиться.

– Да им стоит только позвонить в ФАА¹¹, только чуть намекнуть, что я не вполне уравновешен, – и кранты. Меня тут же ссадят на землю. Что, если инспектор заглянет в гараж? – Майкл допил апельсиновый сок. – Кроме того, я хочу еще разок взглянуть на этих чинуш.

Далия стояла у окна, теплый луч солнца касался ее щеки, гладил шею.

– А как ты себя чувствуешь сегодня?

– Хочешь спросить, на месте ли у меня сегодня крыша? Не волнуйся, пока еще не поехала.

– Я вовсе не это имела в виду.

– Ну да, не это. Я просто закроюсь с одним из них в кабинете, и он станет подробненько рассказывать мне, что еще хорошего придумало для меня мое благословенное правительство.

В самой глубине его глаз зажегся странный огонек.

– Ну ладно, так поехала у тебя крыша или нет? Ты что, намерен все испортить? Собираешься схватить инспектора за грудки и пришить его на месте? А они потом набросятся на тебя? И будешь сидеть за решеткой, спокойненько заниматься онанизмом и петь «Боже, благослови Америку и Никсона»?

Это был выстрел из обоих стволов. Раньше она решалась спускать лишь один из курков, сейчас ей захотелось посмотреть, что получится, если нажать на оба сразу.

Память Ландера была живой и острой. Воспоминания часто заставляли его вздрагивать от боли. Если он не спал. А если спал, то, вспоминая, не мог удержаться от крика.

Онанизм: северовьетнамский охранник застает его в камере за этим делом и заставляет онанировать при всех.

«Боже, благослови Америку и Никсона»: плакат, написанный от руки. Кларк – база BBC на Филиппинах. Кто-то из летчиков поднял лист бумаги к иллюминатору самолета, в котором военнопленные возвращались домой из Вьетнама. Ландер сидел напротив и прочел просвеченный солнцем плакат задом наперед.

Теперь Майкл смотрел на Далию из-под набрякших век. Рот его приоткрылся, лицо как-то странно обвисло. Время угрожающе замедлилось. В пронизанном солнцем воздухе, меж весело пляшущих в нем пылинок, неподвижные секунды нависли над Далией, над уродливым, коротко обрезанным дробовиком на полу у кровати.

¹¹ ФАА (Federal Aviation Agency) – Федеральное управление гражданской авиации США.

– Зачем тебе расправляться с ними поодиночке, Майкл? – тихо спросила она. – А то, другое... Тебе не придется делать это самому – ведь я с тобой. Я с радостью делаю это для тебя. Я люблю это делать.

Она говорила правду. Ландер всегда знал, правду ли ему говорят. Глаза его снова широко раскрылись, и через несколько мгновений ему уже не казалось, что сердце молотом бухает в ребра.

...Глухие длинные коридоры. Затхлый воздух бесконечных конторских помещений. Майкл Ландер переходит с одного этажа на другой, резко распахивая двойные двери, и они потом долго раскачиваются взад-вперед, поблескивая стеклами. Охранники в синей форме Администрации общих служб проверяют личные вещи. У Ландера личных вещей нет.

В приемной секретарша читала роман «Жениться на медсестре».

– Я – Майкл Ландер.

– Вы номерок взяли?

– Нет.

– Возьмите, – сказала секретарша.

Он взял номерной жетон с подноса на краю стола.

– Какой у вас номер?

– Тридцать шестой.

– Имя, фамилия?

– Майкл Ландер.

– Инвалидность?

– Нет. Я явился по повестке. – Он протянул ей повестку из Управления по делам ветеранов.

– Посидите, пожалуйста.

Секретарша повернулась к стоящему рядом на столе микрофону:

– Семнадцатый.

Семнадцатый, бледный молодой человек в потрепанной куртке из кожзаменителя, протиснулся мимо Ландера и скрылся в одной из клетушек за спиной секретарши.

Не меньше половины из стоявших в приемной полусотни стульев были заняты. Почти все сидевшие здесь мужчины были молоды, бывший «четвертый разряд» – альтернативники. В штатском они выглядели так же неопрятно, как раньше в военной форме. Ландер очень ясно представил себе, как эти неряхи в измятых мундирах толпятся у игровых автоматов где-нибудь на автовокзале.

Перед Ландером сидел человек с блестящим красным шрамом над виском. Он явно пытался зачесать волосы так, чтобы прикрыть шрам. Каждые две минуты этот тип извлекал из кармана платок и трубно сморкался. Во всех карманах у него были платки.

Сосед на стуле рядом сидел совершенно неподвижно, пальцы его рук крепко сжимали колени. Двигались только глаза. Они не знали отдыха, следя за каждым, кто входил или выходил из приемной. Порой они чуть не вылезали из орбит, поворачиваясь вслед за идущим, потому что голову сосед поворачивать не желал.

За спиной секретарши, в крохотном кабинете посреди лабиринта таких же клетушек, Гарольд Птоу ждал Майкла Ландера. Птоу получил уже двенадцатую категорию и ожидал повышения по службе. Он рассматривал свое назначение в спецотдел по делам военнопленных как награду и поощрение.

На новом месте Гарольду Птоу пришлось прочесть довольно много специальной литературы. В горе наставлений по административной практике оказалось одно, написанное психиатром-консультантом при главном военном враче ВВС. В наставлении говорилось: «Человек, в течение длительного времени подвергавшийся жестокому насилию, переживший унижения,

изоляция, физические лишения, не может избежать глубокой депрессии, порожденной подавляемым в течение долгого времени гневом. Вопрос лишь в том, когда и в какой форме проявятся его депрессивные реакции».

Птоу собирался изучить все наставления, как только выберет для этого время. Послужной список, лежавший перед ним на столе, был весьма впечатляющим. В ожидании Майкла Ландера Птоу просмотрел бумаги еще раз.

Ландер, Майкл Дж., 0214278603. Корея, 1951. Краткосрочные курсы подготовки офицерского состава ВМФ. Окончил с отличием. Курсы воздухоплавания (пилотирование аппаратов легче воздуха), Лейкхерст, Нью-Джерси, 1954. Высочайшие показатели. Представлен к награде за исследования летательных аппаратов в условиях обледенения. Экспедиция ВМФ к Северному полюсу, 1956. Переведен на штабную работу в связи с сокращением программ использования аппаратов легче воздуха в ВМФ, 1964. Рапорт о переводе в вертолетные части, 1964. Вьетнам. Два срока. Сбит под Донг-Хоем, 10 февраля 1967. Шесть лет в лагере для военнопленных.

Птоу казалось странным, что офицер с таким послужным списком пожелал выйти в отставку. Что-то здесь было не так. Птоу помнил закрытые слушания дел военнопленных после их возвращения на родину. Может, лучше не спрашивать Ландера, почему тот ушел в отставку?

Он взглянул на часы. Три сорок. Парень опаздывает. Птоу нажал кнопку селектора и, когда секретарша отозвалась, спросил:

– Что, Майкл Ландер явился?

– Кто-у, мистер Птоу?

Нарочно ведь рифмует, паршивка, подумал Птоу.

– Ландер, Ландер. По спецотделу. Вам было сказано пропустить его вне очереди.

– Непременно, мистер Птоу.

Секретарша снова углубилась в роман. Без десяти четыре она принялась искать, чем бы заложить книгу, и наткнулась на повестку Ландера. Фамилия на повестке привлекла ее внимание.

– Тридцать шестой, тридцать шестой! – Она позвонила в кабинет Птоу. – Мистер Ландер в приемной.

Птоу несколько удивил вид Майкла Ландера. Тот казался ловким и подтянутым в форме капитана гражданской авиации. Движения его были четкими, взгляд – прямой и острый. А ведь Птоу готовился к тому, что ему придется иметь дело с людьми, глаза которых лишены всякого выражения.

Зато вид Птоу нисколько не удивил Майкла: он ненавидел чинуш всю свою жизнь.

– А вы прекрасно выглядите, капитан. Я бы сказал, увольнение из рядов пошло вам явно на пользу.

– Явно на пользу.

– И просто замечательно снова оказаться в кругу семьи, верно?

Ландер улыбнулся одними губами.

– С семьей все в порядке, насколько мне известно.

– Как, разве они не с вами? Мне казалось, вы женаты, здесь указано... ну-ка, посмотрим. Ну да. И двое детей, верно?

– Да, у меня двое детей. Я в разводе.

– Простите, пожалуйста. Боюсь, Горман – мой предшественник, который занимался вами, – оставил слишком мало сведений.

Горман получил повышение, видимо, за некомпетентность. Ландер пристально смотрел на Птоу, чуть заметно улыбаясь.

– Когда вы оформили развод, капитан Ландер? Мне необходимо занести эту информацию в ваше дело.

Птоу был сейчас похож на корову, мирно пасущуюся у самого края трясины и не подозревающую, какая опасность грозит ей с подветренной стороны, прячется совсем близко, вон там, в черной тени.

И вдруг Ландер заговорил. Заговорил о том, о чем и думать-то не мог. Думать не мог.

– Первый раз она подала на развод за два месяца до моего освобождения. Когда Парижские переговоры застопорились – по-моему, из-за выборов. Но не довела дело до конца. Она ушла через год после моего возвращения. Не берите в голову, Птоу, правительство и так сделало для нас все, что было в силах.

– Конечно, конечно, но надо было...

– Офицер ВМФ приходил к ней несколько раз, когда я попал в плен. Маргарет поила его чаем, а он ее консультировал. Существует стандартная процедура подготовки жен военнопленных. Вы-то наверняка об этом знаете.

– Ну, я полагаю, что в отдельных случаях...

– Он разъяснил ей, что среди вернувшихся домой военнопленных особенно часты случаи гомосексуализма и импотенции. Чтоб она знала, чего ей ждать, понимаете? – Ландер понимал, что нужно остановиться. Совершенно необходимо остановиться.

– Лучше было бы...

– Он сообщил ей, что продолжительность жизни у вернувшихся военнопленных примерно в половину короче средней. – Ландер широко улыбался.

– Но, разумеется, должны быть и другие причины, капитан?

– О, конечно, она и раньше на сторону выдавала, если вы это имеете в виду. – Ландер рассмеялся. Старая боль рвала сердце, голову сдавило, словно железным обручем.

Зачем тебе расправляться с ними поодиночке, Майкл? И будешь сидеть за решеткой, заниматься онанизмом и петь...

Ландер прикрыл глаза, чтобы не видеть, как пульсирует жилка на шее чиновника.

Птоу собрался было рассмеяться, чтобы снискать расположение Ландера. Но, как пуританин, он был оскорблен в лучших чувствах вульгарной легкостью, с какой Ландер обсуждал проблемы секса. И вовремя передумал. Это спасло ему жизнь.

Птоу снова взялся за папку с делом.

– Вы консультировались со специалистами по этому поводу?

Казалось, теперь Ландер уже не так напряжен.

– Ну, разумеется. В военно-морском госпитале Сент-Олбани у невропатолога консультировался. Он все шипучку какую-то попивал по ходу дела.

– Если вы испытываете необходимость в дальнейших консультациях, я могу вам помочь.

– Мистер Птоу, видите ли, – и тут Ландер подмигнул собеседнику, – вы знаете жизнь, я тоже. Такие вещи случаются сплошь да рядом. Я-то пришел к вам совсем по другому поводу. Хотел выяснить насчет какой-нибудь компенсации за эту клешню, – и Майкл показал ему изуродованную руку.

Вот теперь Птоу почувствовал себя совершенно в своей тарелке. Он вытащил из папки с делом форму № 214.

– Поскольку вполне очевидно, что вы не утратили трудоспособность, будет трудновато... Но мы изыщем возможности, – тут он подмигнул Ландеру, – и позаботимся о вас.

Когда Ландер вышел из Управления по делам ветеранов и вдохнул липкий и промозглый нью-йоркский воздух, было уже половина пятого, начинался час пик. Майкл стоял на ступенях крыльца, ощущая, как мокрая от пота сорочка холодит спину, и смотрел, как стекает в воронку метро на 23-й улице поток покупателей, возвращающихся из магазинов одежды. Он не мог

даже представить себе, как войдет в вагон метро вместе с ними и они окружают и сдавят его со всех сторон.

Видимо, многие из служащих Управления отпросились с работы пораньше. Они устремились на улицу, раскатав створки распашных дверей и оттеснив Майкла к стене здания. Он чуть было не пустил в ход кулаки. И тут, в этой толкотне, перед ним возник образ Маргарет, он чувствовал ее, ощущал ее запах... Говорить обо всем этом над фанерным конторским столом... Ему надо думать о чем-то другом... И вдруг засвистел чайник. О господи, только не это, не все сначала... В кишечнике возникла тупая боль, и Майкл потянулся за таблеткой ломотила. Поздно. Ломотил не поможет. Надо найти туалет, скорее. Он пошел назад, в приемную, затхлый, какой-то мертвый воздух паутиной облепил лицо. Майкл был бел как мел, лоб покрывала испарина, когда он отыскал крохотный туалет. Единственная кабина была занята, и еще один человек ждал перед дверью. Ландер повернулся и пошел назад через приемную. Спастический колит – так было записано в его медицинской карте. Лекарственная терапия не показана. Ломотил он подобрал себе сам.

И чего не принял таблетку заранее?

Человек, у которого двигались только глаза, провожал Ландера взглядом, пока мог, так и не повернув головы. Боль в кишечнике теперь подступала волнами, покрывая пупырышками кожу на руках и вызывая тошноту.

Толстый уборщик отыскал нужный ключ на связке и открыл Майклу служебный туалет. Тот надеялся, что, оставшись за дверью, уборщик не слышит отвратительных звуков. Наконец он поднял голову. Рвота прекратилась, но вызванные ею слезы все еще текли по щекам.

На секунду он увидел колонну пленных, которых форсированным маршем гнали в Ханой, и себя, присевшего на корточки у дороги под бдительным взором охранников.

Всегда и везде – все одно и то же. Одно и то же. Он услышал свисток закипевшего чайника.

– Мудаки, – прохрипел Ландер. – Мудаки. – Он отер лицо искалеченной рукой.

У Далии день тоже был нелегким: она успела много сделать, пользуясь кредитными карточками Ландера. Когда Майкл сошел с электрички, она уже ждала его на платформе. Он очень осторожно спустился с площадки вагона, и Далия сразу поняла – он старается не растряссти кишки. Она набрала в бумажный стаканчик воды из питьевого фонтана и достала из сумочки небольшой флакон. Вода в стаканчике стала молочно-белой, когда Далия вылила туда парегорик¹². Ландер заметил ее, только когда она остановилась перед ним и протянула ему стакан. Горьковатый напиток пах лакрицей, язык и губы слегка онемели, и прежде чем Далия и Ландер подошли к машине, опий уже оказал свое действие: боль стала не такой сильной. Минут через пять она утихла совсем. Добравшись до дома, Майкл упал на кровать и проспал целых три часа.

Ландер проснулся, не совсем понимая, где он и что с ним, и чувствуя странную напряженность. Включились защитные рефлексы, и теперь мозг отталкивал причиняющие боль образы, они отлетали прочь, словно шарики китайского бильярда. Мысли задерживались на ярких, красочных картинах, и – никакого свиста, только звон – колокольчики, лишь иногда – колокола. Нет, сегодня он ничего не испортил. Он сдержался – и это уже хорошо.

Свист чайника – мышцы на шее напряглись. Начался зуд – где-то между лопатками и еще под самой черепной коробкой, там, где и почесать невозможно. Подергивались ноги.

Дом был погружен во тьму, привидения, обитающие в нем, держались сейчас на самой границе тьмы, их отпугивал лишь свет пылающей воли Майкла. Но тут, приподнявшись с подушки, он увидел мерцающий огонек; тот все приближался, поднимаясь снизу. Далия шла

¹² Парегорик – желудочное обезболивающее и закрепляющее средство на опийной основе.

по лестнице, неся в руке свечу, ее громадная тень следовала за ней по стене. Темный, до пола халат скрывал очертания ее тела, а босые ноги ступали совершенно бесшумно. Она остановилась у кровати – огонек свечи яркими лучиками отражался в огромных темных глазах – и протянула ему руку:

– Пойдем, Майкл. Пойдем со мной.

Медленно, медленно отступая по коридору лицом к Майклу, Далия вела его за собой, держа за руку и не сводя с него глаз. Ее черные волосы рассыпались по плечам. Она все отступала, маленькие белые ступни то показывались, то снова исчезали под темными полами халата. Пятясь, женщина вошла в комнату – ту, что была раньше детской комнатой для игр. Целых семь месяцев она стояла пустой. Сейчас, в слабом свете свечи, Майкл разглядел в глубине широкую, зовущую к себе кровать и драпировки из тяжелой ткани на стенах. Запах курящихся благовоний коснулся лица, и Ландер заметил у самой кровати, на столике, синеватый огонек спиртовки. Это была уже другая комната, не та, где Маргарет когда-то... Нет, нет, нет!

Далия поставила свечу рядом со спиртовкой и легкими движениями, чуть касаясь, сняла с Майкла пижамную куртку. Развязала тесемку на поясе и опустила на пол, помогая ему выпутать из штанин ноги. Он почувствовал, как волосы ее щекожут ему колени.

– Ты был таким сильным сегодня.

Она нежно уложила его на кровать. Шелковая простыня приятно холодила спину, прохладный воздух оведал тело, вызвав щемящую боль в паху.

Он лежал и смотрел, как Далия зажигает две тонких восковых свечи в стенных подсвечниках. Потом она протянула ему изящную трубку с гашишем, так и оставшись стоять в ногах кровати, и тени от свечей дрожали у нее за спиной.

Ландер почувствовал, что проваливается в бездонную глубину ее глаз. Ему вспомнилось, как в детстве ясными летними ночами он лежал в высокой траве и глядел в небо, неожиданно переставшее быть плоским и обретшее глубину. Глядел до тех пор, пока не терял ощущение верха и низа и не начинал падать, проваливаться в звездную бездну.

Далия сбросила халат и встала прямо перед ним. Красота ее пронзила все его существо, как тогда, в самый первый раз, и у Майкла перехватило дыхание. У Далии были полные, нисколько не обвисшие груди, словно два идеальной формы купола, и ложбинка между ними сохранялась даже тогда, когда они не были ничем стянуты. Соски потемнели и напрялись. Она была такой соблазнительной и доступной, каждая линия, каждый изгиб ее тела казались еще красивее в мерцающем свете свечей.

Сердце его замерло в сладком предощущении, когда она повернулась – взять со спиртовки чашу с благовонным маслом, и блики света затрепетали на ее нежной коже. Сжав коленями его бедра, она принялась маслом натирать ему грудь и живот. Грудь ее чуть подрагивала в такт движениям рук.

Когда она наклонялась, живот ее мягко округлился, совсем чуть-чуть, не скрывая от глаз темного треугольника волос. Волосы здесь были густыми и упругими, они черными завитками взрывали линию треугольника, словно пытались взобраться повыше. Он ощутил, как волоски коснулись его пупка, и, опустив глаза, увидел, как, словно жемчужины, сверкая в отблесках свечей, прячутся в темных завитках первые капли – сок ее естества.

Он знал – теперь этот сок омоет его, согреет его чресла и он вновь ощутит вкус меда и соли на губах.

Она набрала в рот благоухающего подогретого масла, и плоть его погрузилась в душистую глубину, а Далия слегка покачивала головой в ритме биения его крови, укрыв его теплой волной волос.

И глаза ее, широко посаженные, словно у пумы, и полные лунного света, ни на минуту не отрывались от его глаз.

Глава 3

По небу прокатился грохот, словно долгий раскат грома, и воздух в комнате дрогнул, поколебав огненные язычки свеч. Но Далия и Майкл, погруженные друг в друга, ничего не слышали и не замечали. Грохот был привычным, вечерний авиарейс, челночный маршрут Нью-Йорк – Вашингтон и обратно. «Боинг-727» летел в двух тысячах метров над Лейкхерстом и продолжал набирать высоту.

Сегодня он нес в своем чреве охотника. Высокий человек в светло-коричневом костюме сидел в кресле у прохода, сразу за крылом самолета. Стюардесса шла по проходу, продавая билеты. Высокий человек протянул ей бумажку в пятьдесят долларов. Стюардесса недовольно нахмурилась:

– А помельче у вас разве нет?

– Это за два билета: мой и его, – сказал он, показывая на спящего в кресле рядом пассажира.

Человек говорил по-английски с акцентом, но стюардесса не смогла определить, что это за акцент. «Немец или голландец», – подумала она. И ошиблась.

Давид Кабаков был майором израильской разведки «Моссад Алия Бет» и очень надеялся, что у тех троих, что сидели позади него по ту сторону прохода, есть купюры помельче, не то стюардесса, продавая им билеты, обязательно обратит на них внимание и, скорее всего, запомнит. Надо было самому заняться этим в Тель-Авиве, упрекнул он себя. Времени на пересадку в аэропорту Кеннеди было слишком мало, чтобы успеть разменять деньги. Ошибка не очень значительная, и все же неприятно. Майор Кабаков дожил до тридцати семи лет исключительно потому, что совершал очень мало ошибок.

В соседнем кресле мирно посапывал, закинув голову, сержант Роберт Мошевский. За весь долгий перелет из Тель-Авива ни Кабаков, ни Мошевский и виду не подали, что знают тех троих, что сидят позади, хотя были знакомы с ними не один год. Эти трое были крупные, сильные парни с обветренными лицами. На всех троих были мешковатые костюмы неброских тонов. В израильской разведке такую группу называют операционно-тактической единицей. В Америке их сочли бы просто бандой налетчиков.

Все трое суток с той ночи, когда он покончил с Хафезом Наджиром, Кабаков почти не имел времени на сон. Он знал, что ему предстоит нелегкий брифинг, как только группа прибудет в столицу Соединенных Штатов. Проанализировав материалы, которые он привез после налета на мозговой центр организации «Черный сентябрь», и прослушав пленку, «Моссад» сразу же принялся действовать. В американском посольстве в Тель-Авиве было созвано экстренное совещание, и Кабаков был немедленно послан в командировку.

В Тель-Авиве, на встрече представителей израильской и американской разведок, было четко договорено, что Кабаков едет в Штаты помочь американцам определить, действительно ли существует реальная опасность, и если так – помочь опознать террористов, если удастся обнаружить их местонахождение. Официальные инструкции были четкими и ясными.

Однако высшее командование «Моссада» дало ему задание не менее четкое и определенное. Он должен был остановить арабских террористов во что бы то ни стало, любыми средствами.

Переговоры о продаже Израилю новых «фантомов» и «скайхоуков»¹³ подошли к критической точке. Попытки арабов оказать давление на Запад и сорвать переговоры могли возыметь успех, тем более что западные страны испытывали постоянную нехватку нефти. Но Израиль

¹³ «Фантомы» и «скайхоуки» – боевые самолеты типа истребитель-бомбардировщик, производство США. «Миражи» – то же, производство Франции.

должен получить эти самолеты. Как только патрульные фантомы прекратят полеты над пустыней, по ней двинутся на Израиль арабские танки.

Террористический акт чудовищной жестокости, совершенный в самом сердце Соединенных Штатов, может изменить баланс сил в пользу американских изоляционистов. Не только они в Америке считают, что помощь Израилю не должна даваться слишком дорогой ценой.

Ни мининдел Израиля, ни госдепартамент США знать не знали о том, что вместе с майором летят еще эти трое и что они собираются поселиться на некоторое время в квартире поблизости от аэропорта и ждать звонка от Кабакова. Последний, впрочем, надеялся, что в звонке не будет необходимости. Он предпочел бы справиться со всем этим сам, по-тихому.

Кабаков надеялся, что дипломаты не станут вмешиваться в его дела. Он не доверял ни дипломатам, ни политикам. Его отношение к ним и подход к делу наложили отпечаток на его славянские черты: лицо его было грубовато, но светилось умом.

Кабаков считал, что недостаточно осмотрительные евреи умирают молодыми, а слабовольные рано или поздно оказываются за колючей проволокой. Он был дитя войны: его семья бежала из Латвии, спасаясь сначала от немцев, а потом – от русских. Отец Кабакова погиб в Треблинке, а мать, спасая сына и дочь, добралась до Италии. Путешествие это стоило ей жизни. Пока мать с детьми пробиралась в Триест, огонь, пылавший у нее внутри, давал ей силы держаться, хотя тело ее медленно сгорало на этом огне.

Когда теперь, тридцать лет спустя, Кабаков вспоминал дорогу в Триест, он снова видел перед глазами мерно покачивающуюся руку матери: она шла впереди, крепко сжимая его ладонь, а костлявый локоть, резко выступающий на исхудалой руке, виднелся сквозь прорехи в ее лохмотьях. А еще он помнил ее лихорадочно горящее, чуть ли не светящееся лицо, склонявшееся над ним и сестрой, когда мать будила их до света, после ночи, проведенной в какой-нибудь придорожной канаве.

В Триесте она передала детей людям из сионистского подполья и умерла на пороге дома напротив.

В 1946 году Давид Кабаков и его сестра добрались до Палестины, и бег их закончился. В десять лет мальчик стал связным Пальмаха¹⁴ и участвовал в боях, защищая дорогу из Тель-Авива в Иерусалим.

Кабаков провоевал двадцать семь лет и теперь лучше, чем кто-либо другой, знал цену мира. Он вовсе не испытывал ненависти к арабам – к арабскому народу, но считал, что вести переговоры с организацией «Аль-Фатах» – дерьмовое дело. Именно это выражение он употреблял, когда начальство спрашивало его совета, а это случалось не так уж часто. В «Моссаде» Кабаков был на хорошем счету как офицер разведки. Жаль было бы переводить его в штаб, на канцелярскую работу, – таким блестящим был его послужной список, такой успешной – оперативная работа. И поскольку на оперативной работе он всегда подвергался риску быть захваченным, его не приглашали на закрытые заседания «Моссада». Он оставался как бы исполнительным органом – карающей рукой «Моссада», наносящей удар за ударом по опорным пунктам «Аль-Фатаха» в Ливане и Иордании. В «Моссаде», на самом верху, Кабакову дали прозвище «Последний аргумент».

Никто никогда не решился бы сказать ему это в лицо.

Под крылом самолета поплыли, кружась, яркие огни Вашингтона – «Боинг» заходил на посадку над аэропортом Нэшнл. Уже виден был Капитолий – снежно-белый в свете прожекторов. Кабаков подумал: «Интересно, может, их цель и есть Капитолий?»

В небольшом конференц-зале израильского посольства Кабакова ждали двое мужчин. Он вошел вместе с послом Иоахимом Теллом, и двое ожидавших встретили его внимательным,

¹⁴ Пальмах – элитные части (ок. 5000 чел.) подпольной армии израильтян (Хаганы) в период мандата Великобритании над Палестиной (1922–1947).

оценивающим взглядом. Сэму Корли из ФБР израильский майор напомнил капитана рейнджеров¹⁵, под началом которого Сэм служил двадцать лет назад в Форт-Беннинге.

Фаулер из ЦРУ никогда не был на военной службе. Кабаков показался ему похожим на пса-боксера. И Корли, и Фаулер бегло просмотрели досье израильского майора, но там содержались в основном материалы о его участии в Шестидневной войне и в Октябрьской войне¹⁶, старые ксерокопии донесений Отдела ЦРУ по ближневосточным проблемам, и вырезки из газет и журналов. «Кабаков – Тигр перевала Митла». Беллетристика.

Иоахим Телл, в смокинге, не успевший переодеться после приема в посольстве, представил присутствовавших друг другу. В конференц-зале воцарилось молчание, и Кабаков нажал кнопку маленького магнитофона. Голос Далии Айад зазвенел в тишине:

«Граждане Америки...»

Когда голос умолк, заговорил Кабаков, медленно и осторожно, тщательно взвешивая каждое слово:

– Мы полагаем, что «Айлюль аль-Асвад» – «Черный сентябрь» – готовит акцию на территории США. Членов этой организации не интересуют заложники, в данный момент им не нужны ни переговоры, ни какие бы то ни было революционные спектакли. Им нужно максимальное количество жертв – им нужно, чтобы вас вывернуло наизнанку от боли и страха. Мы полагаем, что осуществление плана зашло достаточно далеко и что руководит подготовкой акции эта женщина. – Он ненадолго замолчал. – Мы считаем вполне вероятным, что она сейчас находится в Америке.

– Тогда вы, по-видимому, располагаете дополнительной информацией, не только этой пленкой, – сказал Фаулер.

– Дополнительная информация сводится к тому, что мы достоверно знаем: они собираются нанести удар именно в вашей стране. Кроме того, о достоверности сказанного свидетельствуют обстоятельства, при которых была обнаружена эта пленка. Они ведь уже не раз пытались это сделать.

– Вы забрали пленку из квартиры Наджира после того, как он был убит?

– Да.

– И вы его сначала не допросили?

– Допрашивать Наджира было бы бесполезно и бессмысленно.

По лицу Фаулера Сэм Корли понял, как тот обозлен, и опустил взгляд на досье, лежавшее на столе перед ним.

– Почему вы решили, что голос на пленке принадлежит именно той женщине, что вы видели в квартире Наджира?

– Потому что он не успел спрятать пленку в надежное место, – сказал Кабаков. – Наджир был очень осмотрителен.

– Так осмотрителен, что позволил себя убить, – заметил Фаулер.

– Наджир достаточно долго продержался, – ответил Кабаков. – Достаточно долго, чтобы организовать теракты в Мюнхене, в аэропорту Лод... Слишком долго, на мой взгляд. Если теперь вы окажетесь недостаточно осмотрительными, в воздух снова взлетят окровавленные тела, но уже не израильтян, а американцев.

– С чего вы взяли, что теперь, когда Наджир убит, план будет осуществлен?

¹⁵ Рейнджер – зд.: военнослужащий диверсионно-разведывательного подразделения.

¹⁶ Шестидневная война (арабы называют ее «Июньская война») – арабо-израильская война 5–10 июня 1967 г., во время которой Израиль занял Синай, восточный Иерусалим (Старый город), Западный берег реки Иордан и Голанские высоты. Октябрьская война – арабо-израильский конфликт 1973 г., когда египетско-сирийские силы атаковали Израиль в первый день праздника Йом Кипур (6 октября). Война длилась около трех недель. Сирийские войска были отброшены. Египет отвоевал часть восточного берега Суэцкого канала, а Израиль укрепился на западном берегу.

Корли оторвал взгляд от бумажной скрепки, которую внимательно изучал, и ответил Фаулеру сам:

– Хранить пленку с таким текстом само по себе очень опасно. Такая запись – это почти самый последний шаг. Приказ должен быть к этому времени уже отдан. Я правильно рассуждаю, майор?

Кабаков с первого взгляда мог узнать профессионала, умеющего повернуть допрос в нужную сторону. Сейчас Корли выступал на его стороне.

– Совершенно правильно, – подтвердил он.

– Они могут готовиться к операции в другой стране и перевезти сюда материалы в последний момент, – сказал Корли. – Почему вы полагаете, что женщина работает именно здесь?

– Квартира Наджира была у нас под колпаком довольно долго, – пояснил Кабаков. – Женщина не появлялась в Бейруте ни до, ни после рейда. Пленка была передана на анализ двум лингвистам – экспертам «Моссада», и оба, независимо друг от друга, пришли к одному заключению: она изучала английский язык с детства, и учитель у нее был англичанин, но в последние год-два ее английский очень сильно американизировался. В квартире нашли одежду американского производства.

– Она могла быть просто связной, явившейся к Наджиру за последними инструкциями, – предположил Фаулер. – А инструкции могли быть переданы куда угодно.

– Если бы она была лишь связной, она в жизни своей не увидела бы Наджира в лицо, – возразил Кабаков. – «Черный сентябрь» разделен на ячейки, как осиное гнездо. Большинство их сотрудников знают не более одного-двух других членов организации.

– Почему же вы и женщину не убили, майор? – спросил Фаулер. Задавая этот вопрос, он не взглянул на Кабакова, и хорошо сделал.

Впервые в разговор вмешался посол:

– Но, мистер Фаулер, причин убивать эту женщину в тот момент не было. Вряд ли можно упрекнуть его за то, что он этого не сделал.

Кабаков на мгновение прикрыл глаза. Эти американцы не осознают опасности. Не слышат предостережений. Мысленным взором он уже видел, как арабская бронетехника с грохотом ползет по склонам Синая, врывается в еврейские города... Танки гонят перед собой толпы беззащитных людей... И все из-за того, что американцев до смерти напугали. Из-за того, что он тогда пощадил эту женщину. Сотни его прежних побед – прах, ничто перед этим провалом. То, что он никак не мог знать, какую важную роль играет эта женщина, нисколько не оправдывало его в собственных глазах. Миссия в Бейрут... Он не довел дело до конца.

Кабаков, не отводя глаз, смотрел прямо в тяжелое лицо Фаулера.

– У вас есть досье Хафеза Наджира?

– Он проходит в наших файлах по «Аль-Фатаху» как один из руководителей.

– К моей докладной приложено полное досье Наджира. Ознакомьтесь с фотографиями, мистер Фаулер. На снимках – результаты нескольких подготовленных им акций.

– Я видел достаточно таких материалов.

– Таких вы еще не видели. – Израильский разведчик повысил голос.

– Хафез Наджир мертв, майор Кабаков.

– Туда ему и дорога, Фаулер. Если эта женщина не будет обнаружена, «Черный сентябрь» заставит вас кровью умыться.

Фаулер взглянул на посла, как бы ожидая, что тот вмешается, но взгляд небольших мудрых глаз Иоахима Телла был жестким. Посол разделял точку зрения Кабакова.

Когда Кабаков заговорил снова, голос его был чуть слишком спокойным:

– Вам придется поверить мне, мистер Фаулер.

– Вы узнали бы ее снова, майор?

– Да.

– Если она работала здесь, зачем ей было ехать в Бейрут?

– Ей нужно было что-то такое, чего она не могла получить на месте. Что-то такое, что мог обеспечить только сам Наджир. Чтобы получить это от него, она должна была лично что-то такое подтвердить.

Кабаков прекрасно понимал, что все это звучит расплывчато, ему и самому противно было себя слышать. Кроме того, он был недоволен тем, что три раза подряд употребил слова «что-то такое».

Фаулер раскрыл было рот, но Корли опередил его:

– Вряд ли речь шла об оружии.

– Да уж, оружие везти сюда – нелепее и быть не может, – мрачно заметил Фаулер.

– Речь могла идти либо о каком-то оборудовании, о связи с другой ячейкой либо, возможно, с более высоким лицом в организации, – продолжал Корли. – Очень сомнительно все же, чтобы речь шла о получении доступа к более высокому лицу. Насколько я знаю, разведка АРЕ тут мало чего стоит.

– Да, – сказал посол. – Уборщик посольства продает их агентам содержимое моих мусорных корзин и покупает то же самое у их уборщика. От нас к ним идут рекламные проспекты и фиктивная переписка, от них к нам – запросы от кредиторов и проспекты специфических резиновых изделий.

Совещание продолжалось еще минут тридцать, потом американцы стали прощаться.

– Я попытаюсь утром включить этот вопрос в повестку завтрашнего совещания в Лэнгли¹⁷, – пообещал Корли.

– Если нужно, я мог бы...

– Вашей докладной и пленки совершенно достаточно, майор, – прервал его Фаулер.

Был четвертый час утра, когда американцы вышли из посольства.

– Ой-вей, арабы идут! – произнес Фаулер, когда они шли к машинам.

– А если всерьез?

– А если всерьез, я тебе не завидую: вряд ли Голубоглазка Беннет будет так уж доволен, что ты отнимаешь у него время на эту ерунду, – ответил Фаулер. – Если к нам сюда и явились эти ненормальные, Агентство все равно ими заниматься не будет. Ты же знаешь, старина, нам запрещено играть в эти игры на территории Соединенных Штатов. – ЦРУ все еще отмывалось после Уотергейта¹⁸. – Если Отдел ближневосточных проблем что-нибудь такое разыщет, мы вам сразу же сообщим.

– А с чего это ты так завелся там, в посольстве?

– Да мне это все до смерти надоело, – ответил Фаулер. – Мы ведь сотрудничали с израильтянами в Риме, в Лондоне, в Париже, а как-то – даже в Токио. Нашуешь какого-нибудь араба, дашь им наводку, и что дальше? Думаешь, они попробуют его перевербовать? Ничего подобного. Установить за ним слежку? Обязательно. Но только для того, чтобы выяснить его связи. И тут – ба-бах! И нет больше этих арабов, а мы оказываемся в положении пса, ухватившего зубами собственный хвост.

– Не надо им было Кабакова посылать, – сказал Корли.

– Ну как же – не надо! Ты обратил внимание, что сегодня не было Вейсмана – их военного атташе? Мы же с тобой оба знаем, что он занимается разведкой. Но Вейсман сейчас пробивает сделку с «фантомами», а Израиль не хочет показать в открытую, что эти два дела связаны между собой.

– Ты будешь завтра на совещании в Лэнгли?

¹⁷ Лэнгли – город в штате Вирджиния близ Вашингтона, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

¹⁸ Уотергейт – здание в г. Вашингтоне, округ Колумбия, где размещались офисы Демократической партии США. В 1972 г. здесь разгорелся скандал в связи с обнаружением подслушивающих аппаратов, установленных по указанию руководителей правящей Республиканской партии, что привело в конечном счете к отставке президента Ричарда Никсона.

– Еще бы нет! А с Кабаковым – смотри в оба, не то сядешь в хорошую лужу.

Каждый четверг по утрам сотрудники американских спецслужб собираются на совещание в экранированном свинцом зале без окон, в самой глубине здания штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, в штате Вирджиния. Здесь представлены ЦРУ, ФБР, Управление национальной безопасности, Секретная служба Президента, Национальное бюро военной разведки и советники по военной разведке при Объединенном комитете начальников штабов. Эксперты вызываются по мере надобности. В соответствии с повесткой дня вызывают примерно четырнадцать экспертов. Вопросы для обсуждения много, регламент строго ограничен.

Корли говорил десять минут, Фаулер – пять, а представитель Следственного отдела службы иммиграции и натурализации – и того меньше.

Кабаков уже ждал в крохотном кабинете Корли в штаб-квартире ФБР, когда тот вернулся из Лэнгли.

– Мне поручили поблагодарить вас за то, что вы приехали, – сказал Корли. – Госдепартамент намерен выразить благодарность вашему послу. Наш посол в Тель-Авиве намерен выразить благодарность господину Аллону.

– Спасибо, спасибо. Теперь скажите, что вы собираетесь предпринять?

– Да ничего особенного, – ответил Корли, раскуривая трубку. – Фаулер притащил кучу пленок с записями передач «Радио Бейрут» и «Радио Каир». Он заявил, что все они полны угроз, которые, однако, до сих пор так ни к чему и не привели. ЦРУ сейчас сличает голос на вашей пленке с остальными.

– Эта пленка – не угроза. Она должна прозвучать после.

– ЦРУ уже связалось со своими людьми в Ливане.

– В Ливане люди ЦРУ покупают то же дерьмо, что и наши спецслужбы, и чаще всего – из тех же источников, – сказал Кабаков. – Информацию, которая часа через два появляется во всех газетах.

– А то и раньше, – согласился Корли. – Посмотрите пока эти фотографии. Нам известно около сотни сочувствующих «Аль-Фатаху»: это, как мы подозреваем, участники «Движения 5 июля» здесь, у нас. Служба иммиграции и натурализации, естественно, не кричит об этом на каждом углу, но у них имеются досье на подозрительных иностранцев-арабов. Только вам для этого придется съездить в Нью-Йорк.

– А вы могли бы своей властью отдать таможенным службам распоряжение о повышенной бдительности?

– Это я уже сделал. И это – главный наш козырь. Для крупной акции они, скорее всего, постараются ввезти бомбу откуда-то извне. Конечно, если это действительно бомба, – сказал Корли. – За последние два года у нас здесь было три небольших взрыва, ответственность за которые взяло на себя «Движение 5 июля», все – в израильских офисах в Нью-Йорке. Из этого...

– Один раз они использовали пластиковую взрывчатку, в двух других случаях – динамит, – прервал его Кабаков.

– Совершенно верно. Вы, как всегда, в курсе. Очевидно, здесь им не удастся добыть нужное количество пластиковой взрывчатки, иначе они не таскались бы повсюду с динамитом и не подрывались бы то и дело, пытаясь экстрагировать нитроглицерин.

– В «Движении 5 июля» полно дилетантов, – сказал Кабаков. – Наджир ни за что не доверил бы им осуществление этой акции. Взрывчатка пойдет по другим каналам. Если она еще не доставлена сюда, ее должны привезти. – Израильский разведчик встал и подошел к окну. – Значит, ваше правительство разрешает мне доступ к досье и отдает распоряжение по таможене, чтобы искали того, кто везет бомбу? Всего-навсего?

– Мне искренне жаль, майор, но я не знаю, что еще мы можем сделать, имея на руках лишь такую информацию.

– США могли бы попросить своих новых союзников в Египте, чтобы те оказали давление на Каддафи в Ливии. Это он финансирует «Черный сентябрь». Этот подонок выдал им пять миллионов долларов из государственной казны в награду за бойню в Мюнхене. Он мог бы запретить акцию, если бы египтяне как следует на него надавили.

Полковник Муаммар Каддафи – лидер Ливийской Джамахирии – обхаживал Египет, пытаясь упрочить свои позиции в арабском мире. Поэтому он, скорее всего, уступил бы настояниям египтян.

– Госдепартамент не хочет ввязываться в это дело, – сказал Корли.

– Американская разведка вообще не верит, что они нанесут удар здесь, верно, Корли?

– Да, – устало ответил Корли. – Они считают, у арабов не хватит решимости.

Глава 4

В этот самый момент грузовое судно «Летиция» пересекало 21-й меридиан, направляясь в Нью-Йорк с заходом на Азорские острова. В запертом отсеке глубокого носового трюма находилось 545 килограммов пластиковой взрывчатки, упакованной в серого цвета ящики.

Близ этих ящиков, в непроницаемой мгле трюма, лежал в полусознании Али Хассан. Огромная крыса взобралась ему на живот и теперь подбиралась к лицу. Хассан лежал так уже три дня: капитан Кемаль Лармозо прострелил ему живот.

Крыса была голодна, но не настолько, чтобы утратить осторожность. Поначалу ее отпугивали стоны Хассана, но сейчас она слышала лишь прерывистое хриплое дыхание. Она приостановилась на запекшейся корке, покрывавшей вздувшийся живот, и обнюхала рану. Потом двинулась дальше – на грудь.

Хассан еще мог чувствовать ее коготки сквозь ткань рубашки. Нужно ждать. В левой руке он сжимал ломик, который выронил капитан Лармозо, когда Хассан застал его у серых ящиков. А в правой руке у Хассана был пистолет «вальтер-ППК», который он не успел выхватить вовремя. Он не собирался стрелять в крысу. Выстрел могут услышать. Надо, чтобы предатель Лармозо подумал, что он мертв, когда снова спустится в трюм.

Теперь крыса чуть не упиралась носом ему в подбородок. От его затрудненного дыхания у нее шевелились усы.

Собрав все свои силы, Хассан взмахнул ломиком наискось над грудью и почувствовал, что попал крысе в бок. Коготки на мгновение впились в кожу, когда крыса рывком соскочила с его груди, и он услышал, как они заскребли по железному настилу палубы: тварь убежала.

Прошло несколько минут. Потом Хассан расслышал слабый шорох. Ему показалось, шорох слышится из штанины. Но Хассан уже не ощущал своего тела ниже пояса и был за это благодарен судьбе.

Соблазн покончить с собой был велик, и мысль об этом теперь не покидала его ни на минуту. У него еще хватит сил поднести к виску «вальтер». И он обязательно так и сделает, говорил он себе, как только придет Мухаммад Фазиль. До тех пор он будет охранять ящики.

Хассан не знал, сколько времени он пролежал вот так в темноте. Но понимал, что теперь сознание будет все чаще покидать его, и пытался использовать то время, что у него оставалось. Когда Хассан застал Лармозо у ящиков с ломиком в руках, до Азорских островов оставалось чуть больше трех дней. Если Мухаммад Фазиль второго ноября не получит оттуда телеграмму от Хассана, как было договорено, у него будет два дня до отплытия «Летиции», Азоры – последний порт захода перед Нью-Йорком.

Фазиль все сделает, – думал Хассан, – я его не подведу.

Каждый толчок изношенного двигателя «Летиции», сотрясая палубный настил, отдавался в голове Хассана. В глазах плавали красные круги. Он напрягал слух, чтобы расслышать биение дизеля, и думал, что слышит пульс Бога.

В восемнадцати метрах над днищем трюма, где лежал Хассан, капитан Кемаль Лармозо отдыхал в своей каюте, потягивая пиво «Саппоро» прямо из бутылки и слушая новости. Ливанская армия снова ведет бои с партизанами. *Прекрасно, – думал он, – чума их всех порази, тех и других.*

Ливанские чиновники вечно грозили отнять у него лицензию, а партизаны могли запросто отнять у него жизнь. Когда бы он ни заходил в Бейрут, Тир или Тобрук, всегда приходилось платить и тем, и другим. И партизанам меньше, чем этим любителям трахать верблюдов, этим скотоложцам из ливанской таможни.

Теперь ему достанется от партизан. Он сразу понял, что ему от них не уйти, когда Хассан застал его у ящиков. Уж Фазиль со своими подручными спуска ему не даст, когда он вернется

в Бейрут. А может, ливанцы хоть чему-то научатся у короля Хуссейна и выдворят партизан из страны. Тогда платить придется только одной стороне. До чего же ему все это осточертело! «Отвези этого туда». «Доставь оружие». «Держи язык за зубами». «Я все знаю про то, как надо держать язык за зубами, – думал Лармозо. – Зря, что ли, у меня ухо такое? Такое не от спешки во время бритья бывает». Он однажды обнаружил магнитную мину на облепленном ракушками корпусе «Летиции» ниже ватерлинии, и взрыватель уже был наготове. Они и не задумались бы взорвать судно, если бы он отказался выполнить их требования.

Лармозо был огромен и волосат, и несло от него так, что даже у бывалых матросов щипало в носу от этой вони. А когда он ложился, койка провисала чуть не до пола под его тяжестью. Сейчас он зубами откупорил еще одну бутылку «Саппоро» и задумался, уставившись пороссячими глазками на прилепленный к переборке разворот итальянского порножурнала, изображающего содомитов¹⁹ противоположных полов в процессе соития.

Потом он поднял с пола маленькую фигурку Мадонны, стоявшую у самой койки, и поставил себе на грудь. Она была сильно поцарапана – это он ковырял ее ножом, пока не понял, что это такое. Лармозо были известны три места, где за взрывчатку давали наличные. В Майами был один кубинец, сбежавший с острова, ума у него было гораздо меньше, чем денег. Еще в Доминиканской Республике жил человек, который всегда готов был выложить кучу бразильских крузейро за все, что стреляет или взрывает. Третьим возможным покупателем было правительство Соединенных Штатов.

Конечно, он в этом случае получит вознаграждение. Но Лармозо знал, что, кроме того, есть масса других преимуществ, если иметь дело с американцами. Американские таможенники смогут тогда забыть о некоторых своих предубеждениях по отношению к нему.

Вообще-то Лармозо вскрыл ящики, потому что хотел иметь компромат на импортера – Бенджамина Музи – и сорвать хороший куш. Чтобы заставить Музи раскошелиться, надо было знать, сколько на самом деле стоит контрабандный груз. Раньше Лармозо никогда не трогал грузы, предназначенные для Музи, не стал бы делать это и сейчас, если бы не упорные слухи о том, что Музи сворачивает свои дела на Ближнем Востоке. А если так, то левые доходы капитана существенно снизятся. Как знать, может, это последний фрахт Музи, так почему не сорвать куш поувесистей?

Лармозо думал, что везет хорошую партию наркотиков, – Музи часто закупал гашиш у «Аль-Фатаха». А вместо этого наткнулся на пластиковую взрывчатку. Тут-то его и застал Хассан и, как дурак, схватился за свою пушку. Взрывчатка – это ведь совсем другое дело, не то что наркотики. Тут друзья уже не могут пошантажировать друг друга, оставаясь друзьями.

Лармозо очень надеялся, что Музи сможет уладить дело с боевиками и получить хорошую прибыль от продажи взрывчатки. Но, конечно, уже после того, как задаст ему хорошую трепку за то, что сунул нос в ящики. Ну а если Музи откажется сотрудничать, не захочет взять Лармозо в долю и утихомирить боевиков, тогда капитан оставит взрывчатку себе и загонит ее кому-то еще. Если уж скрываться, то лучше быть богатым и здоровым...

Только сперва надо точно подсчитать, сколько всего есть на продажу, да еще избавиться от кое-какого дерьма там, в трюме.

Лармозо знал, что Хассан тяжело ранен. И теперь считал, что у него было достаточно времени, чтобы подохнуть. Он решил, что зашьет Хассана в мешок, а балласт прикрепит уже в гавани Понта-Дельгада, когда на борту останется только якорная вахта. Тело он сбросит в глубоких водах, подальше от Азор.

¹⁹ Сodomиты (от греч. «житель Содомы») – люди, совершающие половой акт через анальное отверстие: гомосексуалисты; скотоложцы.

В Бейруте Мухаммад Фазиль заходил на телеграф каждый час, справиться, нет ли ему телеграммы. Поначалу он думал, что телеграмма Хассана с Азор просто задержалась. Раньше телеграммы всегда приходили к полудню. За то время, что дряхлый сухогруз двигался все дальше на запад, Фазиль получил уже три известия: из Бенгази, Туниса и Лиссабона. Текст всегда был разный, но означали телеграммы одно: взрывчатка в порядке. В той, которую он ждал теперь, должно было сообщаться: «Матери сегодня гораздо лучше», подпись – «Хосе». В шесть вечера, так и не получив телеграммы, Фазиль отправился в аэропорт. У него с собой были документы на имя фотографа-алжирца и фотокамера для скоростной съемки. Камера была выпотрошена, в ней теперь помещался револьвер «магнум 357». На всякий случай Фазиль заказал билет на самолет еще две недели назад. В Понта-Дельгада он должен быть завтра, в четыре часа дня.

Капитан Лармозо сменил своего первого помощника у штурвала, когда ранним утром 2 ноября «Летиция» огибала скалистые берега Санта-Марии. Капитан обошел остров с юго-запада и повернул на север, к Сан-Мигелю, чтобы зайти в порт Понта-Дельгада.

В свете зимнего солнца этот португальский город радовал глаз своими белыми, крытыми красной черепицей домами. Вечнозеленые деревья вокруг домов тянулись вверх – они были почти той же высоты, что и колокольня. За городом плавно вздымались горные склоны, на них лоскутным одеялом раскинулись поля.

В порту у причала, когда команда освободила судно от партии малой сельскохозяйственной техники и грузовая марка «Летиции» поднялась над водой, на корабль было страшно смотреть – так оброс ракушками его корпус. Но вот на борт доставили ящики с минералкой, и «Летиция» снова опустилась по ватерлинию в портовые воды.

Лармозо несколько не беспокоился: разгрузка и погрузка будут проводиться только в кормовом трюме. Небольшой, запертый на замок отсек носового трюма никто не потревожит.

Большая часть работы была закончена на следующий день еще до наступления вечера, и Лармозо отпустил команду на берег. Казначей выдал матросам деньги, но немного – только чтобы каждому хватило провести время в баре и у девочек.

Команда заторопилась прочь по набережной в предвкушении веселого вечера; матрос, опередивший всех, не успел даже толком стереть с шеи мыльную пену после бритья. В спешке никто не заметил худощавого человека у колонны портика «Банко Насиональ Ультрамарино». Он явно пытался сосчитать, сколько матросов сошло на берег, пока они гурьбой валили мимо него.

На корабле воцарилась тишина, слышны были лишь шаги капитана: он спускался в мастерскую – небольшой отсек при машинном отделении, тускло освещенный забранной в проволочную сетку лампочкой. Порывшись в куче железного хлама, Лармозо отыскал среди старых деталей шатун с цапфой, валявшийся здесь с весны, когда у «Летиции» заклинило двигатель на Тобрукском рейде. Шатун походил на огромную железную кость, когда Лармозо поднял его в руках, прикидывая вес. Уверившись, что его веса хватит, чтобы увлечь тело Хассана в глубины вод, на самое дно Атлантического океана, капитан оттащил шатун на корму и запер там в рундуке вместе с мотком веревки.

Затем он отправился в камбуз, взял из запасов кока большой парусиновый мешок для мусора и направился через пустую кают-компанию к трапу. Перебросив мешок через плечо, словно мексиканскую шаль, Лармозо шел, насвистывая сквозь зубы, и звук его тяжелых шагов громким эхом отдавался в тиши коридора. Вдруг позади себя он расслышал какой-то шум. Капитан замер, прислушиваясь. Может, это просто старик-вахтенный ходит там, на верхней палубе? Из кают-компании, через люк, Лармозо выбрался к трапу и стал спускаться вниз по железным ступеням на уровень носового трюма. Однако входить в трюм он не стал. Вместо этого грохнул крышкой люка и отошел назад. Прислонившись к переборке у подножия трапа,

Лармозо смотрел вверх, пытаясь разглядеть, что делается там, у верхнего люка, в самом устье железной лестничной шахты, на дне которой он сейчас стоял. Пятизарядный «эруэйт» системы «смит и vesson» в его огромной руке выглядел словно детский леденцовый пистолет.

Лармозо стоял и смотрел. И вот сверху откинулась крышка люка, и в проеме показалась маленькая аккуратная голова Мухаммада Фазиля. Он двигался медленно и осторожно, словно змея на охоте.

Лармозо выстрелил, оглушительный грохот заполнил лестничную шахту, отдаваясь от железных стен. Пуля с визгом отскочила от стального поручня. Лармозо нырнул в люк трюма и захлопнул за собой крышку. Он ждал в темноте, обливаясь потом, и отвратительный запах его тела смешивался с запахом ржавчины и застывшей смазки.

Звук шагов на ступенях трапа был размеренным и спокойным. Лармозо понимал, что Фазиль спускается, держась за поручень одной рукой, сжимая в другой оружие. И конечно, держит под прицелом крышку люка. Лармозо протиснулся за контейнер, метрах в четырех от единственного входа в трюм. Время работало на него. Кто-нибудь из матросов так или иначе скоро приволочется на судно. Надо придумать, что бы такое предложить Фазилю, как выкрутиться. Нет, ничего не выйдет. Осталось еще четыре патрона. Он просто пристрелит Фазиля, когда тот сунется в люк. Решено.

Шаги по трапу на мгновение затихли. Затем грохнул «магнум» Фазиля, и пуля пробила крышку люка, разметав осколки по трюму. Лармозо выстрелил в ответ, но его пуля – 38 спешл – лишь оставила вмятину на металле. Увидев, что крышка откинулась и в проеме появился темный силуэт, Лармозо продолжал стрелять.

При вспышке последнего выстрела капитан разглядел, что стрелял в подушку, взятую с дивана в кают-компании. Тогда Лармозо бросился бежать, спотыкаясь в темноте и проклиная все на свете. Он бежал к носовому отсеку. Он возьмет «вальтер» Хассана и прикончит Фазиля на месте.

Огромный и толстый, Лармозо тем не менее двигался довольно легко. К тому же он прекрасно знал планировку трюма. За полминуты он добежал до переборки и, нащупав дверцу, полез за ключом. От вонючей ударившей его в нос, когда он шагнул в отсек, у него перехватило дыхание. Чтобы не выдать себя, Лармозо не стал зажигать свет и пополз вперед по палубному настилу в черной как деготь мгле, пытаясь нащупать ноги Хассана и чертыхаясь себе под нос. То и дело он наткался на контейнеры и ящики, приходилось менять направление, ползти вкруговую. Наконец он нащупал ботинок. Лармозо повел рукой вдоль штанины и вверх по животу, к поясу. «Вальтера» за поясом не было. Он ощупал тело с обеих сторон. Ощупал руку повыше локтя, почувствовал, как она шевельнулась, но так и не обнаружил оружия – до тех пор, пока выстрел из «вальтера» не ударил ему прямо в лицо...

Звон в ушах был таким оглушающим, что Фазиль только через несколько минут смог расслышать хриплый шепот из носового отсека:

– Фазиль! Фазиль!

Луч крохотного фонарика прорезал черноту отсека, по железному настилу зацарапали коготки: кто-то поспешил удрать из лужицы света. Фазиль провел лучом по кровавому месиву, что недавно было лицом Лармозо. Капитан лежал на спине, убитый наповал. Фазиль шагнул в отсек.

Опустившись на колени, он взял в ладони изувеченное крысами лицо Али Хассана. Губы раскрылись.

– Фазиль?

– Ты все правильно сделал, Хассан. Я приведу врача.

Фазиль видел – положение безнадежно. Хассану, живот которого вздуло от перитонита, уже ничто не поможет. Но Фазиль вполне мог похитить какого-нибудь врача за полчаса до

отплытия «Летиции» и привести его на борт. А потом убить где-нибудь в открытом море, до прихода в Нью-Йорк. Хассан заслуживает и большего. Это было бы только гуманно.

– Хассан, я вернусь через пять минут, принесу аптечку. Я оставлю тебе свет.

В ответ раздался чуть слышный шепот:

– Я выполнил задание?

– Ты все сделал как надо. Отдохни, друг. Сейчас я принесу морфий, а после приведу врача.

Фазиль ощупью пробирался к выходу в черноте трюма, когда позади раздался выстрел «вальтера». Он остановился и на мгновение прижался лбом к холодному металлу корабля.

– Вы все за это заплатите, – прошептал он.

Фазиль обращался к целому народу, к людям, которых в жизни своей никогда не видел.

Старик-матрос на якорной вахте все еще не пришел в себя; он так и лежал там, где Фазиль его «обезвредил», с огромной шишкой на затылке. Тот оттащил его в кабину первого помощника и уложил на койку, потом сел и задумался.

Поначалу они планировали, что ящики будут доставлены в Бруклинский порт и получены импортером Бенджамином Музи. Выяснить, связался ли Лармозо с Музи заранее, чтобы с его помощью осуществить этот предательский план, не представлялось возможным. Музи все равно придется обезвредить: он слишком много знает. Таможенникам захочется узнать, куда подевался Лармозо. Посыплются вопросы. Не похоже, чтобы кто-то другой на корабле знал, что находится в ящиках. Ключ от носового отсека вместе со всей свисавшей с кольца связкой так и остался торчать в замке, когда Лармозо подох. Теперь эта связка лежала в кармане у Фазиля. Взрывчатка не должна прибыть в нью-йоркский порт вовсе, это ясно.

Первый помощник, Мустафа Фаузи, оказался человеком вполне разумным и не очень храбрым. Около полуночи, когда Фаузи вернулся на корабль, Фазиль поговорил с ним. Беседа была совсем не долгой. В одной руке Фазиль держал большой черный револьвер, в другой – две тысячи американских долларов. Фазиль осведомился о состоянии здоровья сестры и матушки Фаузи, проживающих в Бейруте, а затем высказал предположение, что их здоровье и благополучие в значительной степени будут зависеть от того, согласится ли Фаузи ему помогать. Тот сразу же согласился.

В семь часов вечера по восточному времени²⁰ в доме Майкла Ландера зазвонил телефон. Майкл работал в гараже и сам взял отводную трубку. Далия размешивала краску в большой жестянке.

По шуму и треску в трубке Ландер понял, что звонят издалека. Мужской голос, довольно приятный, английская речь с акцентом, слегка напоминающим оксфордский выговор Далии. Мужчина попросил к телефону «хозяйку дома».

Далия бросилась к телефону. Последовала долгая и утомительная беседа по-английски о родственниках и о какой-то недвижимости. Беседу завершила пулеметная очередь арабского сленга, продолжавшаяся секунд двадцать.

Далия повернулась к Майклу, прикрыв трубку ладонью.

– Майкл, нам придется забрать взрывчатку в открытом море. Ты можешь достать катер? Мозг Ландера работал молниеносно.

– Да. Передай место встречи: сорок миль к востоку от маяка Барнегат, за полчаса до заката. Установим визуальный контакт, пока еще светло, встанем борт о борт, как только стемнеет. Если сила ветра превысит пять баллов, операция откладывается ровно на двадцать четыре часа. Скажи, пусть перепакует груз так, чтобы каждый тюк был под силу одному человеку.

²⁰ Восточное время – стандартное время, принятое на востоке Канады, в США и на востоке Австралии.

Далия быстро закончила разговор по телефону.

– Вторник, двенадцатого, – сообщила она и с удивлением посмотрела на Майкла. – Послушай, ты что, вот так, моментально смог разработать весь этот план?

– Нет, – ответил Ландер.

Далия давно поняла, что Ландеру нельзя лгать. Это было бы столь же глупо, как закладывать в компьютер лишь наполовину верные данные и ожидать правильного ответа. К тому же он всегда замечал даже малейшее ее намерение уклониться от истины. Теперь она была до глубины души рада, что с самого начала посвятила его во все детали плана доставки взрывчатки в США.

Майкл терпеливо выслушал ее рассказ о том, что произошло на «Летиции».

– Ты думаешь, Музи навел Лармозо на это дело? – спросил он.

– Фазиль не знает. У него не было возможности допросить Лармозо. Ничего не поделаешь – приходится считать, что он навел. Мы не можем рисковать, правда ведь, Майкл? Если только Музи решился сам заняться этим грузом, забрать себе аванс и продать взрывчатку кому-то еще, то, значит, он заложил нас американским властям. Он и не мог бы поступить иначе, ему ведь собственную шкуру надо спасать. Даже если Музи и не предал нас, его все равно придется обезвредить. Он слишком много знает. И он тебя видел. Он может тебя опознать.

– Вы с самого начала решили, что его надо будет убрать?

– Да. Он ведь никогда не был с нами и, кроме того, занят опасным делом. Если полиция решит потрясти его по другому поводу, кто знает, что он им там наплетет? – Далия вдруг поняла, что переборщила, и утерла пыл. – Мне нестерпима мысль, что Музи – постоянная угроза тебе, Майкл, – добавила она мягко. – Да ведь ты и сам ему не доверяешь, правда? Ты даже разработал план получения взрывчатки в открытом море, просто так, на всякий случай, да? Это просто потрясающе!

– Ага. Просто потрясающе, – откликнулся Ландер. – Только вот что. С Музи ничего не должно случиться, пока мы не получим взрывчатку. Если он заложил нас полиции, чтобы обеспечить себе безопасность – не важно, по какой причине, – ловушка будет расставлена в порту. До тех пор, пока они полагают, что мы туда сами явимся, они вряд ли станут перебрасывать людей по воздуху, чтобы устроить засаду на корабле. Если с Музи разделаются до прихода судна, полиция будет знать, что мы и не собираемся появляться в порту. Нас уже будут ждать, когда мы отправимся на корабль. – Ландера вдруг охватил гнев, губы у него побелели. – Что, этот ваш генератор идей, этот мешок с верблюжьим дерьмом, никого лучше Музи найти не мог?

Далия и бровью не повела. Она не стала напоминать ему, что это он сам первым отправился к Музи. Она была уверена – этот новый приступ гнева будет подавлен и пополнит запас злости, хранящийся в душе Ландера. И это будет только на пользу, когда дойдет до дела.

На мгновение Майкл прикрыл глаза.

– Тебе придется сделать кое-какие покупки, – сказал он. – Дай-ка мне карандаш.

Глава 5

Теперь, когда Хафез Наджир и Абу Али погибли, только Далия и Мухаммад Фазиль знали Ландера в лицо. Однако и Бенджамин Музи видел его несколько раз: именно он и был первым звеном цепочки, приведшей Майкла к «Черному сентябрю» и взрывчатке.

С самого начала главной проблемой было – где раздобыть взрывчатку. В жарком пламени озарения, впервые осознав, что надо сделать, Майкл еще не понимал, что без посторонней помощи не обойтись. Сделать все это самому, в одиночку – в этом заключался особый эстетизм замысла. Но по мере того, как план все пышнее расцветал в его мозгу, а сам Майкл все чаще и чаще смотрел вниз, на бессмысленные толпы людей, он пришел к выводу, что эти люди заслуживают гораздо большего, чем несколько ящиков динамита, которые он сможет купить или украсть. Этим людям следует уделить гораздо больше внимания; тут не обойдешься шрапнелью из беспорядочно разметанных при взрыве осколков гондолы и нескольких килограммов гвоздей.

Временами, посреди ночи, когда он лежал без сна, опрокинутые лица людей толпы заполняли потолок его спальни: лица с раскрытыми ртами, колеблющиеся, словно поле цветов под ветром. Множество лиц, и большинство из них – лицо Маргарет. И тогда огненный жар его собственного лица поднимался вверх, к ним, закручиваясь воронкой, как Крабовидная туманность, сжигая их дотла. Майкл успокаивался и засыпал.

Ему нужна пластиковая взрывчатка. Во что бы то ни стало.

Ландер дважды пересек страну из конца в конец, разыскивая взрывчатку. Он побывал на трех военных складах, прикидывая, можно ли украсть взрывчатку оттуда, но убедился, что это безнадежное дело. Он посетил завод крупной корпорации, производящей детский крем и напалм, промышленные клеящиеся материалы и пластиковую взрывчатку, но обнаружил, что заводская охрана там столь же бдительна, что и на военных складах, и значительно более изобретательна. Пытаться же экстрагировать нитроглицерин из динамита было невозможно из-за его неустойчивости.

Ландер жадно проглядывал газеты, выискивая статьи о террористах, взрывах и бомбах. Кипа вырезок в его спальне росла день ото дня. Он оскорбился бы, узнав, что его поведение было вполне типичным, что множество психически нездоровых людей собирают точно такие же вырезки у себя в спальне, поджидая наступления Часа. В спальне Майкла большинство вырезок пестрело иностранными адресами: Рим, Хельсинки, Дамаск, Гаага, Бейрут...

Где-то в середине июля, в Цинциннати, к нему вдруг пришло озарение. Отлетав над ярмаркой, он выпивал в баре мотеля, потихоньку пьянея. Было поздно. В холле работал телевизор, подвешенный к потолку над самым краем стойки бара. Ландер сидел чуть не под телевизором, уставясь в стакан. Большинство посетителей сидели на своих табуретах лицом к Майклу, отвернувшись от стойки, и бледный свет экрана играл на поднятых к телевизору лицах, лишая их красок.

Ландер встряхнулся. Что-то такое было в лицах посетителей бара, смотревших передачу. Испуг. Гнев. Не настоящий страх – ведь сами они были в безопасности. Они смотрели на экран так, как смотрит на волков человек из окна одинокой хижины. Ландер взял свой стакан и прошел к концу бара, откуда тоже мог видеть экран. На экране – «Боинг-747», совершивший посадку в пустыне. Волны зноя дрожат вокруг. Взрывается носовая часть фюзеляжа, затем центральная, и вот уже весь самолет скрывается в клубах огня и дыма. Шел повтор спецвыпуска новостей, тема – арабский терроризм.

Мюнхенские кадры. Кошмар в Олимпийской деревне. Вертолет в аэропорту. Приглушенный звук выстрелов в кабине: стреляют в израильских спортсменов. Посольство в Хартуме:

убийство американских и бельгийских дипломатов. Руководитель «Аль-Фатаха» Ясир Арафат отказывается взять на себя ответственность за содеянное.

Снова Ясир Арафат – на пресс-конференции в Бейруте. Выступает с яростными обвинениями в адрес Великобритании и Соединенных Штатов, помогающих Израилю осуществлять террористические нападения на участников Движения сопротивления. Арафат говорит: «Когда придет час нашего возмездия, мир содрогнется». В глазах его лунами отражается свет телевизионных юпитеров.

Заявление полковника Каддафи о всесторонней поддержке. Каддафи – последователь Наполеона и неизменный союзник и спонсор «Аль-Фатаха». «Соединенные Штаты напрашиваются на хорошую пощечину, – говорит он. И завершает: – Господи, прокляни Америку!»

– Подонок, – проворчал рядом с Ландером человек в костюме для игры в кегли. – Все они подонки.

Ландер громко рассмеялся. Несколько человек за стойкой обернулись к нему.

– Тебе смешно, парень?

– Нет-нет, уверяю вас, сэр, мне вовсе не смешно. Сам ты подонок.

Ландер положил деньги на стойку и ушел. Вслед ему неслась громкая ругань.

У Ландера не было знакомых арабов. Он принялся выискивать сообщения о собраниях американских арабов, сочувствующих делу палестинцев. Однако, посетив лишь одно такое собрание в Бруклине, он убедился, что арабы, имеющие американское гражданство, слишком законопослушны для его целей. На собрании обсуждались такие понятия, как «справедливость» и «права личности», а руководство организации призывало ее членов писать в Конгресс. И Ландер не сомневался, что, начни он прошупывать их, пытаясь отыскать более воинственно настроенных, к нему тут же подкатится переодетый полицейский с передатчиком в штанине.

С демонстрациями в поддержку палестинцев на Манхэттене дело обстояло нисколько не лучше. На площади перед зданием ООН и на Юнион-сквер он обнаружил всего человек двадцать юнцов-арабов, зато евреев вокруг них было – что капель в море.

Нет, все это никуда не годилось. Ему нужен знающий свое дело и от жадности на все готовый мошенник с надежными связями на Ближнем Востоке.

И такого мошенника удалось найти. Ландер узнал имя Бенджамина Музи от знакомого летчика – пилота международных линий, который в футляре для бритвенных принадлежностей привозил Музи с Ближнего Востока пакетики с весьма интересным содержанием.

Контора Музи находилась в самом конце обшарпанного здания – старого склада – на Седжвик-стрит, в Бруклине. В мрачноватое помещение конторы Ландера провел очень крупный и очень дурно пахнущий грек. И пока они пробирались сквозь лабиринт ящиков и коробок, огромная лысина провожатого отражала тусклый свет редких лампочек на потолке. Только дверь конторы явно стояла дорого. Стальная, с двумя засовами и замком фирмы «Фокс». Прорезь для писем – на уровне живота посетителя и закрывается изнутри толстой металлической крышкой на прочных петлях; к тому же и она может быть заперта на задвижку.

Музи был невероятно толст. Он задыхался и постанывал, убирая со стула кипу счетов. Затем предложил Ландеру сесть.

– Что вам предложить? Может, хотите подкрепиться?

– Нет.

Музи осушил бутылку минеральной воды и выудил еще одну из холодильника. Бросил в бутылку две таблетки аспирина и сделал большой глоток.

– По телефону вы сказали, что хотите поговорить со мной по очень важному делу и весьма конфиденциально. Поскольку вы так и не сообщили мне своего имени, вы не возражаете, если я стану называть вас «Хопкинс»?

– Нисколько.

– Отлично. Итак, мистер Хопкинс, когда человек говорит «весьма конфиденциально», речь обычно идет о нарушении закона. Если это тот самый случай, у нас с вами ничего не выйдет. Вы меня поняли?

Ландер вынул из кармана пачку банкнот и положил Музи на стол. Тот не только не приоткрылся к деньгам, он даже не удостоил их взглядом. Ландер забрал деньги и направился к двери.

– Минуточку, мистер Хопкинс.

Музи махнул греку, тот подошел к Ландеру и тщательно обыскал его. Потом посмотрел на Музи и отрицательно покачал головой.

– Садитесь, пожалуйста. Спасибо, Салоп. Подожди пока за дверью.

Огромный грек вышел, закрыв за собой дверь.

– Отвратительное имя, – сказал Ландер.

– Да, но он ведь этого не сознает, – сказал Музи, отирая платком лицо, сложил пальцы домиком под подбородком и выжидательно посмотрел на Ландера.

– Я так понимаю, что вы – человек с весьма обширными связями.

– На самом деле я весьма обширный человек с гораздо менее обширными связями.

– Мне хотелось бы получить совет...

– Вы заблуждаетесь, мистер Хопкинс, если полагаете, что, разговаривая с арабом, нужно обязательно быть по-арабски многословным и говорить обиняками. Тем более что в большинстве случаев вам, американцам, недостает утонченности, это делает ваше многословие совершенно неинтересным. Моя контора не прослушивается. У вас микрофона тоже явно нет. Так что давайте выкладывайте, что у вас там.

– Мне нужно, чтобы мое письмо доставили начальнику разведки «Аль-Фатаха».

– И кто же это такой?

– Мне это неизвестно. Вы можете это узнать. Мне сказали, что в Бейруте вы можете практически все. Письмо будет запечатано особым образом и должно быть доставлено нераспечатанным.

– Само собой разумеется. – Музи смотрел на Ландера, полуприкрыв глаза тяжелыми веками, словно черепаха.

– Вы думаете, это будет письмо-бомба? Ничего подобного. Вы сможете проследить – с расстояния в десять шагов, – как я буду вкладывать письмо в конверт. Вы сможете даже лизнуть полоску клея на клапане конверта, а я потом запечатаю его особым образом.

– Видите ли, я имею дело с людьми, которых интересуют деньги. Те, кого интересует политика, очень часто забывают платить по счетам. А то еще и ухлопают тебя же из-за собственной несостоятельности. Не думаю, что...

– Две тысячи долларов сейчас же и две тысячи – если письмо благополучно найдет адресата. – Ландер снова положил деньги на стол. – И еще. Я бы посоветовал вам открыть номерной счет в банке в Гааге.

– Это еще зачем?

– Чтобы было куда поместить крупный куш в ливийской валюте, если вам вдруг вздумается уйти на покой.

Последовала долгая пауза. Потом Ландер сказал:

– Вы должны понять самое главное: это письмо во что бы то ни стало должно быть доставлено лично адресату, только ему. Нельзя допустить, чтобы оно ходило по рукам.

– Поскольку я не знаю, чего вы хотите, я буду работать вслепую. Конечно, я могу навести кое-какие справки, кое-кого расспросить. Но даже расспросы – опасны. Вы ведь, наверное, знаете, что «Аль-Фатах» состоит из множества групп, соперничающих между собой.

– Передайте письмо в «Черный сентябрь», – сказал Ландер.

– Только не за четыре тысячи.

– Сколько вы хотите?
– Восемь тысяч, и сразу. Я сделаю все, что смогу.
– Четыре – сразу, четыре – после.
– Восемь тысяч сразу, мистер Хопкинс. А после – я вас знать не знаю, и вы сюда – ни ногой.

– Идет.

– На следующей неделе я отправляюсь в Бейрут. Принесете мне письмо прямо перед отъездом. Можете доставить его сюда седьмого вечером. Запечатаете при мне. Поверьте, я вовсе не хочу знать, что там написано.

В письме сообщалось настоящее имя Ландера и его адрес. Кроме того, в нем говорилось, что он готов сделать большой вклад в дело освобождения Палестины. Ландер просил устроить ему встречу с представителем «Черного сентября» в любой точке Западного полушария. В письмо он вложил чек на 1500 долларов – на покрытие расходов.

Когда Музи брал у Майкла письмо и восемь тысяч долларов, он был так серьезен, будто совершал торжественный обряд. У этого воротины было одно странное свойство: если ему давали цену, которую он запросил, он держал слово.

Неделю спустя Ландер получил цветную открытку из Бейрута. На ней не было ничего, кроме адреса, и он подумал: может, Музи сам вскрыл письмо и узнал его имя и адрес?

Прошло три недели. За это время Майкл четыре раза улетал из Лейкхерста. А на четвертой неделе ему показалось – и не один раз, а дважды, – что, когда он ехал на аэродром, кто-то за ним следил. Но с уверенностью сказать, так ли это, он не мог. В четверг, 15 августа, был ночной рекламный полет над Атлантик-сити. Управляемые компьютером бегущие буквы рекламных табло вспыхивали и гасли на необъятных боках его дирижабля.

Когда Ландер возвратился в Лейкхерст и сел в машину, он заметил под «дворником» на ветровом стекле небольшую карточку. Обозлившись, он вылез из машины и выдернул бумажку из-под «дворника». Опять реклама, раздраженно подумал он. В машине Майкл зажег верхний свет и внимательно рассмотрел карточку. Это оказался билет в бассейн плавательного клуба «У Макси», недалеко от Лейкхерста. На обратной стороне билета было написано: «Завтра в три часа дня, сразу мигните фарами один раз, если да».

Ландер огляделся: на тускло освещенной автостоянке у аэродрома никого не было. Он мигнул один раз фарами и поехал домой.

В штате Нью-Джерси немало плавательных клубов. Они хорошо оборудованы, довольно дороги, и у каждого – свои правила и своя клиентура. В клубе «У Макси» посетители в основном евреи, но, в отличие от других таких клубов, сюда допускают негров и пуэрториканцев, если они хорошо известны хозяевам. Ландер явился в бассейн без четверти три, переделся в раздевалке со стенами из шлакобетона и лужицами на полу. Солнце, резкий запах хлорки и детский визг напомнили ему о других временах, когда он и Маргарет ходили вместе с дочерьми плавать в офицерский клуб. А потом сидели у бассейна с бокалами прохладительного, и Маргарет держала ножку бокала сморщенными от воды кончиками пальцев, смеялась и встряхивала головой, отбрасывая мокрые волосы. Знала – молодые лейтенанты не могут оторвать от нее глаз.

Но сейчас Ландер был один. Он ступал босыми ногами по бетонному полу и от одиночества особенно остро ощущал неприятную белизну собственного тела и уродство искалеченной руки. Все, что у него было ценного, он сложил в проволочную корзинку и сдал служителю, а пластмассовый номерок засунул в кармашек плавок. Вода в бассейне была неестественно синей, и солнечные лучи, отражаясь от ее поверхности, слепили Майклу глаза.

«У бассейна имеется целый ряд преимуществ, – размышлял он. – Никто не может явиться сюда с револьвером или с магнитофоном. И никто не может втихую снять у тебя отпечатки пальцев».

Он лениво плавал взад-вперед целых полчаса. В бассейне крутилось по меньшей мере штук пятнадцать ребятишек с надувными морскими коньками и камерами от автопокрышек. Несколько молодых пар играли, пытаясь осалить друг друга полосатым пляжным мячом, а у края бассейна какой-то юный культурист – тело его, казалось, состояло из сплошных мускулов – натирал кожу кремом для загара.

Ландер перевернулся на спину и медленно поплыл поперек глубокой части бассейна, стараясь не мешать ныряющим. В небе так же медленно плыло пушистое белое облачко, и, засмотревшись на него, он на кого-то натолкнулся. Сплетенье рук, сплетенье ног... Это была девушка в маске для подводного плавания. По-видимому, она с увлечением разглядывала дно бассейна и шлепала ластами по воде, не замечая никого и ничего вокруг.

– Ой, извините, – сказала она, удерживаясь в воде вертикально. Ландер фыркнул, освобождая нос от попавшей туда воды, и поплыл дальше, ничего не ответив.

Пробыв в бассейне еще полчаса, Майкл собрался уходить. Он уже взялся за поручни лесенки, когда из воды перед ним снова возникла та девушка. Она сняла маску и улыбнулась.

– Это не вы уронили? Я нашла это на дне бассейна. – И она протянула ему пластмассовый номерок.

Ландер опустил глаза и обнаружил, что кармашек плавок вывернулся наизнанку.

– Вы лучше проверьте, цел ли бумажник и все ли в нем на месте, – сказала она и снова ушла под воду.

Во внутреннем кармашке бумажника Майкл обнаружил чек, который он отправил в Бейрут. Ландер вернул корзинку служителю и возвратился в бассейн. Девушка тем временем ввязалась в морскую баталию, затеянную двумя малышами; они подняли рев, когда она покинула поле битвы. В воде незнакомка смотрелась прекрасно, и Ландер, чувствовавший, как под плавками у него все замерзло и сморщилось, обозлился.

– Побеседуем в бассейне, мистер Ландер, – предложила она и прошла туда, где вода доходила ей до груди.

– А чего вы от меня ждете? Чтобы у меня тут встал и я спустил прямо в плавки?

Она не отвела взгляда, только разноцветные искорки плясали у нее в глазах. Пристально глядя ей в лицо, он вдруг взял ее искалеченной рукой повыше локтя, думая: вот сейчас она вздрогнет от отвращения. Ее реакция была неожиданной: он увидел – она ласково ему улыбается. Однако Майкл увидел не все: под водой левая рука женщины приподнялась, пальцы скрючились, словно когти, – она готова была нанести удар, если понадобится.

– Можно мне называть вас Майкл? Я – Далия Айад. Бассейн – прекрасное место для беседы.

– А вам понравилось содержимое моего бумажника?

– Это вам должно понравиться, что я им заинтересовалась. Вряд ли вы захотели бы иметь дело с глупой бабой.

– Что вы обо мне знаете?

– Я знаю, кем вы работаете, знаю, что вы были в плену. Вы живете один, читаете допоздна, курите один из самых дешевых сортов марихуаны. Я знаю, что ваш телефон не прослушивается, во всяком случае, жучков нет ни на вводе в подвале, ни на столбе рядом с домом. Но я не могу сказать наверняка, чего вы хотите.

Рано или поздно ему все равно пришлось бы это сказать. И дело было не только в том, что он не доверял этой женщине. Даже выговорить это было трудно – все равно что откровенничать на сеансе у психоаналитика. Ну да ладно.

– Я хочу взорвать примерно шестьсот килограммов пластиковой взрывчатки во время матча на Суперкубок.

Она взглянула на него так, как будто он с душевной болью признался в половом извращении, доставляющем ей особое наслаждение. Спокойное дружеское сочувствие, сдержанное волнение. Добро пожаловать – приехали.

– И у вас нет взрывчатки, правда, Майкл?

– Да. – И спросил, глядя в сторону: – Можете достать?

– Это очень много. И от многого зависит.

Он так резко повернулся к ней, что с волос полетели брызги.

– Я не желаю этого слышать! Мне вовсе не это нужно от вас услышать! Давайте начистоту.

– Если я смогу убедиться, что вы сможете это сделать, если я смогу убедить своего начальника, что вы можете это сделать и действительно сделаете, вот тогда – да, я могу достать взрывчатку. Я достану взрывчатку.

– Тогда – порядок. Это по-честному.

– Но мне надо самой все увидеть. Я хочу поехать с вами к вам домой.

– Почему бы и нет?

Они не сразу поехали к Ландеру домой. По графику у него был ночной рекламный полет, и он взял с собой Далию. Пассажир в ночном рекламном рейсе – дело не совсем обычное, так как почти все кресла из гондолы убираются: нужно освободить место для бортового компьютера, управляющего восемью тысячами светозадающих элементов на боках дирижабля. Но, если потесниться, места в гондole хватало. Фарли, второй пилот, уговорил же всех поступиться удобствами, пригласив на два предыдущих рейса свою подружку из Флориды. Так что теперь он и пикнуть не посмеет, уступит свое место без звука. Оба они – и Фарли, и оператор компьютера – плотоядно облизнулись, когда Ландер усадил Далию в кресло, а потом развлекались, устраивая непристойную пантомиму у них за спиной, в дальнем конце гондолы.

Манхэттен сиял в ночи, словно огромный алмазный корабль, когда они летели над ним на высоте восьмисот метров. Затем они стали снижаться, подлетая к сверкающему венку огней стадиона Ши, где в этот вечер играла бейсбольная команда «Метс». Бока дирижабля превратились в огромные рекламные табло, буквы бежали сверху вниз:

НАМ НЕ ДОЛЖНО ЗАБЫВАТЬ ВЕТЕРАНОВ НАНИМАТЬ

Это был первый текст.

СИГАРЕТЫ «УИНСТОН» ВКУС ИМЕЮТ...

Здесь текст вдруг прервался, и оператор, чертыхаясь, принялся распутывать перфоленту.

Потом Ландер и Далия смотрели, как в Лейкхерсте ночная бригада механиков в ярком свете прожекторов швартует дирижабль на ночь. И пока рабочие в комбинезонах выносили компьютер и ставили на место сиденья, Ландер и Далия с особым вниманием осмотрели гондолу снаружи.

Ландер показал Далии прочный стальной поручень, идущий снизу по всему периметру кабины. Потом он подвел ее к хвосту гондолы, и они посмотрели, как снимают турбогенератор, питающий светозадающие элементы рекламного табло. Генератор – массивное, обтекаемой формы устройство, напоминает очертаниями большоголового речного окуня. Он крепится к днищу гондолы тремя узлами. Надежные крепления могут очень пригодиться.

Тут к ним подошел Фарли с блокнотом в руке.

– Эй, ребята, вы что, тут решили ночку провести?

Далия ответила ему с безмятежной улыбкой:

– Но это все так увлекательно!

– Еще бы! – Уходя, он усмехнулся и подмигнул им обоим.

У Далии горели щеки и блестели глаза, когда они ехали домой с аэродрома.

Дома она с самого начала дала понять, что не ждет от Ландера никаких авансов. Однако она постаралась не дать ему повода заподозрить, что испытывает к нему отвращение. Всем

своим поведением она как бы говорила: вот мое тело. Я привезла его сюда, потому что оно может нам пригодиться, только и всего. Но в ее отношении к нему было что-то такое, что невозможно передать ни на одном европейском языке, и это «что-то» очень тонко и ясно говорило о ее чисто физической покорности мужчине. И еще – она была с ним очень, очень нежна.

Там же, где речь шла о деле, она была совсем другой. Ландер очень быстро понял, что, несмотря на несомненное его превосходство в технических вопросах, Далия ничего не примет на веру. Пришлось объяснять ей план до мельчайших деталей, раскрывая по ходу дела смысл технических терминов. Если она не соглашалась с ним, ее возражения обычно касались отношений с людьми, и он обнаружил, что она прекрасно разбирается в людях и хорошо знает, как ведет себя испуганный человек в минуту опасности. Даже в тех случаях, когда Далия настойчиво возражала ему, она никогда не подчеркивала свое несогласие ни жестом, ни мимикой. На лице ее в таких случаях не было написано ничего, кроме сосредоточенности.

Когда все технические проблемы были разрешены, хотя бы в теории, Далия поняла, что главной угрозой плану была психическая неустойчивость самого Ландера. Он был словно прекрасно отлаженная машина, которой управляет ребенок, одержимый манией убийства. И Далия решила стать стабилизирующим фактором в его жизни, его опорой. Здесь она уже не могла жить только умом, здесь надо было подключить и чувства.

Шли дни, и постепенно Ландер стал рассказывать ей о себе, только что-нибудь совсем незначительное, не причинявшее ему боли. Иногда по вечерам, когда Майкл был чуточку пьян, он без конца жаловался ей на несправедливость военно-морского ведомства и так ей надоедал, что она уходила после полуночи к себе в комнату, а он так и оставался сидеть перед телевизором, посылая проклятья в экран. Но однажды ночью, когда она сидела на краешке его кровати, он рассказал ей что-то совсем иное, и рассказывал так, словно вручал ей драгоценный дар. Он поведал Далии о том, как впервые в жизни увидел дирижабль.

Майкл был восьмилетним мальчишкой с вечно разбитыми коленками и стоял на вытоптанной догола игровой площадке у сельской школы, когда вдруг, взглянув вверх, увидел воздушный корабль. Серебряный гигант развернулся поперек ветра и поплыл над школьным двором, а за ним в воздухе разворачивался шлейф крохотных белых точек, плавно опускавшихся вниз. Это спускались парашютики с шоколадными батончиками «Бэби Рут». Бросившись бежать вслед кораблю, Майкл некоторое время мог оставаться в его тени, ползущей через школьный двор. Другие ребята тоже бежали вместе с ним, шумя и толкаясь, пытаясь поймать батончики. Они добежали до пашни за игровой площадкой, и огромная тень, теперь уже не гладкая, а волнистая на вспаханной земле, уплыла прочь. Майкл, в своих коротких штанишках, выбежал на поле и упал, ободрав о комья засохшие было ссадины на коленках. Поднявшись на ноги, он стоял и смотрел вслед дирижаблю, пока тот не скрылся из глаз; струйки крови стекали с колен в ботинки, в кулаке был зажат батончик с парашютом.

Майкл говорил словно в забытии, и Далия, заслушавшись, прилегла на кровать рядом с ним. И когда он погрузился в ее объятия, глаза его были полны детского удивления, а восхитительный свет того давнего дня все еще играл на его лице.

С той ночи Майкл перестал стесняться. Ведь она узнала о его ужасающем замысле и приняла его как свой собственный. И тело ее приняло его без иссушающей требовательности, но с бесконечной щедрой добротой. Она не видела его уродства. Теперь он чувствовал, что ей можно сказать все, и он говорил и говорил о том, о чем раньше не мог сказать никому, даже Маргарет. Особенно Маргарет.

Далия выслушивала его излияния сочувственно, с глубочайшим интересом. Она никогда не выказывала ни малейшего признака отвращения или страха, хотя давно поняла, что он может быть опасен: когда Майкл рассказывал ей о некоторых событиях своей жизни, он вполне мог вдруг перенести на нее гнев, который испытывал к тем, кто нанес ему незаживающие раны. Далии было необходимо узнать Ландера как можно лучше, и она изучила его очень

хорошо, лучше, чем кто бы то ни было, лучше даже, чем высокая комиссия, расследовавшая его последнюю чудовищную акцию. Следователям пришлось основываться только на бесчисленных документах и фотографиях, Далия же знала все из первых уст.

Разумеется, она изучала Ландера, чтобы использовать его в своих целях, но разве кто-нибудь выслушивает излияния совершенно бескорыстно? Она могла бы стать его добрым гением, если бы ее целью не было убийство. Его абсолютная откровенность и ее собственные умозаключения открыли ей не одно окно в прошлое Ландера. Через эти окна она могла следить, как выковывалось ее смертоносное оружие...

Объединенная школа Уиллет-Лоранс – типичная сельская школа между городишками Уиллет и Лоранс в Южной Каролине. Второе февраля, 1941 год.

– Майкл, Майкл Ландер, иди к доске и читай свое сочинение. Бадди Ивз, слушай внимательно. И ты тоже, Аткинс-младший. Другие работают, а вы оба только и знаете, что баклуши бить. Увидите, на четвертных контрольных в вашем классе агнцы уж точно будут отделены от козлищ.

Майкла в этот день вызывали еще два раза. Он выглядит удивительно маленьким и жалким, когда идет вдоль прохода между партами. В этой школе нет программы, рассчитанной на особо одаренных детей. Майкла просто переводят из класса в класс досрочно. Ему только восемь лет, а он уже в четвертом.

Бадди Ивзу и Аткинсу-младшему по двенадцать. Они провели перемену, макая второклашку головой в унитаз. Теперь они слушают очень внимательно. Только их не интересует сочинение Майкла. Их интересует сам Майкл.

Майкл знает – придется расплачиваться. Стоя у доски, лицом к классу, в своих коротких, висящих мешком штанишках – в таких ходит в классе он один, – Ландер читает сочинение еле слышным голосом и знает: расплачиваться придется обязательно. Он надеется, что это произойдет на площадке. Лучше пусть побьют, только бы не макали.

Отец Майкла – пастор, мать возглавляет местную секцию Ассоциации родителей и преподавателей. Майкл вовсе не похож на милого, живого ребенка. И он думает, что с ним что-то очень сильно не так. Потому что всю жизнь, сколько он себя помнит, его переполняют чувства, пугающие и пока недоступные его пониманию. Он не умеет еще дать определение гневу и отвращению к самому себе. Он выглядит в собственных глазах маменькиным сынком в коротких штанишках и сам себе за это ненавистен. Иногда он стоит и смотрит, как его сверстники играют в ковбоев в соседней рощице. Он пару раз тоже попробовал играть с ними, вопить «бабах» и целиться указательным пальцем. И чувствовал себя последним дураком. И все сразу видели, что он вовсе не ковбой, потому что только притворяется, что ему интересно.

Вот он словно нехотя подходит к своим одноклассникам: мальчишки одиннадцати-двенадцати лет, они сейчас делятся на команды – играть в футбол. Подбирают игроков. Он стоит среди них и ждет. Это ничего, что тебя выберут последним – если выберут. Он остается один между двумя группками ребят: его не взяли в игру. Но вот он замечает, что вторая команда еще не вся собралась, и идет туда. И сам видит, как он идет: узловатые кривые коленки под короткими штанишками; мальчишки, сгрудившись, конечно, говорят о нем и смеются. Они поворачиваются к нему спиной. А он не может просить, чтобы его приняли, и уходит. Щеки у него пылают. На игровой площадке, вытопанной до красной глины, негде скрыться с глаз долой.

Майкл – южанин, и неписанный кодекс чести сызмальства накрепко запечатлелся в его душе. Мужчина должен вступить в бой, если надо. Уметь постоять за себя. Главные свойства настоящего мужчины – прямота и сила, честь и достоинство. Он играет в футбол, любит охоту, никому не разрешает сквернословить в присутствии дам, хотя сам может позволить себе непристойности в их адрес в узком мужском кругу.

Если же ты ребенок и тебе недостает сил и не на кого опереться, берегись: кодекс безжалостен. Он убивает.

Майкл на собственном опыте понял, что бессмысленно драться с мальчишками старше себя. Ему говорят – ты трус, и он верит, что это действительно так. Он умеет хорошо выражать свои мысли и пока еще не научился скрывать этот дар. Ему говорят: ты – воображала, маменькин сынок. Он думает, что и это, скорее всего, правда.

Ну, вот наконец он закончил читать свое сочинение перед всем классом. Он уже предчувствует, как встанет над ним Аткинс-младший, как гадко пахнет у него изо рта. Учительница говорит: «Майкл Ландер, ты настоящий гражданин своего класса» – и не может понять, почему он отворачивает лицо,

Десятое сентября, 1947 год. Футбольное поле позади Объединенной школы Уиллет-Лоранс.

Майкл Ландер идет играть в футбол. Он уже в десятом классе и играет в футбол по секрету от родителей. Ему совершенно необходимо заняться спортом. Ему очень важно почувствовать себя таким же, как его одноклассники, любить спорт так же, как они. Ему очень любопытно, что у него получится. В спортивной форме Майкл чудесным образом отрешается от прежнего себя, обретает анонимность. Как только он надевает форму, то перестает видеть себя со стороны. Конечно, он уже в десятом, вроде поздновато начинать с азов, придется многое наверстывать. Удивительно, но товарищи по команде принимают его вполне дружелюбно. После нескольких дней тренировок, когда он играл рукой или бил в штангу, они обнаружили, что хоть он пока мало что знает о футболе, но удар у него – что надо и он готов следовать их советам. Какое-то время он совершенно счастлив. Это продолжается неделю. Родители каким-то образом узнают, что он играет в футбол. Они терпеть не могут тренера: ходят слухи, что он безбожник и держит дома спиртное. А преподобный Ландер теперь член Попечительского совета школы. И семейный «Кайзер» Ландеров подкатывает прямо к краю футбольного поля. Майкл не замечает родителей до тех пор, пока его не окликают по имени. Мать направляется к боковой линии, шагая по траве на плохо гнущихся ногах. Преподобный Ландер ждет в машине.

– Сейчас же сними этот дурацкий костюм!

Майкл делает вид, что не слышит. Он играет в защите вместе с другими игроками второго состава. Идет схватка вокруг мяча. Майкл возвращается на свое место. Сейчас он видит все очень четко, видит каждую травинку на поле. У полузащитника прямо перед ним красная царапина на ноге.

Теперь мать шагает вдоль боковой линии. Вот она пересекает ее. Приближается. Девяносто килограммов хорошо продуманного гнева.

– Я кому сказала?! Сейчас же снимай этот идиотский костюм и марш в машину!

Еще можно было все спасти. Если бы он только смог заорать в ответ. И тренер мог бы еще прийти на выручку. Если бы только был половчее и не так боялся потерять работу. Майкл не хочет, чтобы товарищи по команде видели продолжение этой сцены. После того, что произошло, ему уже никогда не играть с ними. Он видит, как они многозначительно переглядываются. Ему этого просто не вынести. Он бежит трусцой к сборному домику, где у них раздевалка, слыша за собою смешки.

Тренер вынужден дважды призвать ребят к порядку, прежде чем они возобновляют игру.

– Нам тут маменькины сынки на фиг не нужны, – высказывается он.

В раздевалке Майкл двигается еле-еле. Он оставляет форму на скамейке, аккуратно все сложив, а сверху кладет ключ от шкафчика. Он чувствует страшную тяжесть где-то внутри, гнев не выплескивается наружу.

По пути домой, в машине, на него обрушивается лавина упреков. Он слушает и соглашается. Да, он понимает, что поставил родителей в неловкое положение. Да, он должен был

думать не только о себе. И он кивает с серьезным видом, соглашаясь, что ему нужно беречь руки – ведь он учится играть на фортепьяно.

Восемнадцатое июля, 1948 год.

Майкл Ландер сидит на маленькой веранде позади пасторского дома, довольно жалкого домишки при Уиллетской баптистской церкви, и чинит газонокосилку. Он стал мало-помалу зарабатывать, ремонтируя газонокосилки и всякую мелкую технику. Сквозь затянутую сеткой дверь ему виден отец. Тот лежит на кровати, закинув руки за голову, и слушает радио. Всякий раз, когда Майкл вспоминает об отце, он прежде всего видит его бессильные бледные руки с кольцом выпускника Камберленд-Мэйконской семинарии на безымянном пальце. Кольцо слишком широко, оно не сваливается только потому, что его удерживает распухший сустав. На Юге, как, впрочем, и во многих других местах, церковь превратилась в духовное сообщество женщин, существующее по воле женщин и ради женщин. Мужчины терпят церковь ради сохранения мира в семье. В Уиллете мужчины не очень-то уважают преподобного Ландера, ведь он не снял ни одного урожая в своей жизни, не говоря уж о том, что вообще ничего, приносящего практическую пользу, делать не умеет. Его проповеди смертельно скучны и сбивчивы, он составляет их наспех, пока хор поет священные гимны. Почти все свое время преподобный Ландер проводит за писанием писем девочке, которую полюбил еще в средней школе. Писем этих он никогда не отправляет и хранит их под замком в жестяном ящике у себя в кабинете. Замок с шифром прост, как детская игрушка. Майкл читает эти письма уже много лет. Просто так, для смеха.

Половое созревание пошло Майклу Ландеру на пользу. Ему всего пятнадцать, а он высок и строен. Потребовались все его недюжинные способности, чтобы убедительно доказать всем в школе, что он – самая обыкновенная посредственность. Вопреки ожиданиям, он умеет казаться компанейским парнем и даже научился смешно рассказывать анекдот про лысого попугая.

Веснушчатая девчонка, года на два старше Майкла, помогла ему поверить, что он – мужчина. Господи, у него прямо гора свалилась с плеч: его много лет убеждали, что уж он-то наверняка педик, а проверить, так ли это на самом деле, у него не было возможности.

Однако какая-то часть его существа не принимала участия в расцвете новой личности Майкла Ландера. Этот отдельный Майкл Ландер как бы стоял в стороне и холодно наблюдал за тем, что происходит. Тот самый Майкл, который очень четко осознавал невежество сверстников в классе, который постоянно прокручивал в уме сценки из времен начальной школы, вызывая на лице нового Ландера гримасу боли; тот самый, кто, словно на киноэкране, высвечивал перед ним образ маленького отличника в самые трудные для того минуты, и черная бездна грозила тогда разверзнуться перед теперешним Майклом, смертельно боявшимся утратить свой новый облик.

Маленький отличник стоит во главе легионов, имя которым «ненависть», и знает ответы на все и всяческие вопросы. Его кредо: БУДЬТЕ ВЫ ВСЕ ПРОКЛЯТЫ! В свои пятнадцать лет Майкл кажется вполне нормальным. Внимательный наблюдатель мог бы, конечно, заметить кое-какие признаки того, что он на самом деле чувствует, но сами по себе эти чувства не вызывают опасений.

Он не выносит никакого соперничества и поэтому не участвует ни в каких видах состязаний. Многим из нас удастся контролировать свою агрессивность, давая ей выход в играх, – как иначе могли бы мы выжить? Майклу этого делать никогда не приходилось – ведь он не терпит даже настольных игр, не говоря уже об азартных. Ландер вчуже представляет себе, что состязательные игры позволяют спустить пар, но не может себе позволить эту роскошь: в области эмоций для него не существует нейтральной зоны между мирной атмосферой обычной игры и тотальной войной на уничтожение, когда не щадят даже трупы погибших. У него нет отдушины. И он пьет эту отраву уже очень долго. Другой бы не выдержал.

Майкл говорит себе, что терпеть не может церковь, однако довольно часто молится, по несколько раз в день. И он убежден, что некоторые позы помогают молитвам достичь ушей Господа Бога. Если прижаться лбом к коленке, например, это помогает лучше всего. Когда приходится делать это принародно, Майкл прибегает ко всяческим ухищрениям, чтобы не привлекать внимания. Можно уронить что-нибудь под стул и нагнуться пониже. Потом еще очень помогает помолиться на пороге или держа руку на дверном запоре. Он часто молится о людях, которых на миг вдруг высвечивает его память: эти вспышки обжигают его по несколько раз в день. Сам того не желая, безуспешно пытаясь это прекратить, Майкл ведет долгие диалоги с тем, другим, и не во сне, а наяву. Сейчас он как раз занят именно этим:

– *Старая мисс Фелпс убирает двор учительского общежития. Интересно, она когда-нибудь уйдет на пенсию или нет? Она вообще работает уборщицей в школе уже сто лет.*

– *А тебе что, хочется, чтобы она сгнила от рака?*

– *Нет! Господи Иисусе, прости меня и помилуй! Я не хочу, чтобы она сгнила от рака. Я лучше сам сгнию от рака (тут он стучит по дереву). Господи, пусть я сам первый сгнию от рака, Отец Небесный!*

– *А тебе не хочется взять дробовик и выпустить этой неграмотной старой дуре кишки?*

– *Нет! Нет! Господи, я правда не хочу! Пусть она будет здорова и счастлива. Она же не виновата, что она такая, как есть. Она добрая и порядочная женищина. Она хорошая. И прости, что я иногда говорю «Будь они все прокляты!»*

– *А разве тебе не хочется сунуть ее мордой в косилку?*

– *Нет, нет, ни за что! Господи Иисусе, избавь меня от таких мыслей!*

– *А послать бы к чертовой матери Дух Святой!*

– *Нет! Как я мог даже подумать такое, я не могу, не должен, это же смертный грех. Такое не прощается. Никогда не буду думать о том, чтоб послать Святой Дух к чертовой матери. Ой, опять про это подумал!*

Майкл оборачивается и тянется к защелке на сетчатой двери. Касается лбом колена. Потом сосредоточивается на газонокосилке. Ему надо поскорей закончить ремонт. Он копит деньги. Он берет платные уроки летного дела.

С раннего возраста Майкла тянуло ко всяческой технике, а в работе с различными механизмами у него обнаружился настоящий талант. Однако страстное увлечение машинами овладело им лишь тогда, когда он открыл, что существуют аппараты, буквально растворяющие его в себе, срастающиеся с его собственным телом. Когда Майкл вот так растворялся в машине, он воспринимал свои действия как действия самой машины, и маленький отличник переставал являться ему.

Первой такой машиной стал самолетик «пайпер каб», взлетающий с небольшого, поросшего зеленой травой летного поля. У приборной доски Майкл терял ощущение самого себя. Он ощущал лишь, как вместе с самолетиком закладывает виражи, сбрасывает скорость, уходит в пике. Майкл обретал его форму, его грацию и силу, собственной кожей чувствовал, как воздушные струи обтекают корпус, и был свободен, свободен...

Ландер вступил в ряды ВМФ в шестнадцать лет и больше ни разу не был дома. С первого захода он в летную школу не попал и всю Корейскую войну прослужил на авианосце «Корал си», подвешивая бомбы к самолетам. В его альбоме есть фотография: Майкл стоит под крылом бомбардировщика «Корсар» с группой механиков, а рядом – тележка с осколочными бомбами. Парни на фотографии положили друг другу руки на плечи и улыбаются в объектив камеры. Ландер не улыбается. Он стоит чуть в стороне, и в руках у него взрыватель.

Первого июня 1953 года, чуть рассвело, Ландер проснулся в солдатской казарме в Лейкхерсте, штат Нью-Джерси. Он прибыл на новое место назначения поздно ночью, и ему пришлось принять ледяной душ, чтобы окончательно проснуться. Потом он оделся со всем тща-

нием, на какое был способен. Служба в ВМФ пошла Ландеру на пользу. Ему нравилось носить форму, нравилось, как он в ней выглядит, нравилось ощущение анонимности, неминуемо с нею связанной. Он оказался хорошо подготовленным и прошел по конкурсу. Сегодня Ландер должен явиться по месту службы и приступить к выполнению своих новых обязанностей. Он будет заниматься подготовкой к испытаниям детонаторов для глубинных бомб, срабатывающих под большим давлением и используемых против подводных лодок. Майкл умел обращаться с взрывчатыми веществами. Как многие люди с глубоко укорененным чувством незащищенности, он любил иметь дело с самыми разными видами оружия.

Утренний воздух был свеж и прохладен, когда Ландер шел к оружейному комплексу, с любопытством разглядывая все то, чего не смог увидеть ночью, по приезде. В огромных ангарах укрывались воздушные корабли. Ворота ближайшего ангара вдруг с рокотом разошлись. Ландер взглянул на часы и остановился. С того места на тротуаре, где он стоял, он хорошо видел, как из ворот медленно появился нос дирижабля, а затем и весь его огромный корпус. Это был ZPG-1 вместимостью 304 800 кубических метров гелия. Раньше Ландеру никогда не приходилось видеть дирижабль так близко. Серебристые бока стометрового гиганта вспыхнули яркой позолотой в лучах восходящего солнца. Ландер быстрым шагом пересек асфальтовый пандус. Бригада механиков суежилась вокруг корабля. Вдруг взревел один из двигателей с левого борта, и в воздухе за ним повис голубоватый дымок.

Ландеру расхотелось оснащать эти воздушные корабли глубинными бомбами. Он не собирался их обслуживать, выводить их из ангаров и заводить обратно. Единственное, о чем он теперь думал, что видел перед собой, это – приборную доску дирижабля.

Майкл легко прошел специальное тестирование и был допущен к следующему экзамену в офицерское училище. Двести восемьдесят военнослужащих сдавали экзамен жарким июльским днем 1953 года. Ландер занял первое место. Это дало ему право выбрать специальность по своему желанию. Он выбрал дирижабли.

Проявление у людей особого кинестетического²¹ чувства при управлении движущимися аппаратами не получило пока убедительного толкования. Иногда говорят, что оно – «природный дар», но это понятие ничего не объясняет. Майк Хэйлвуд, величайший мотогонщик, обладает этим «природным даром». Им обладала и Бетти Скелтон – это было ясно всякому, кто мог видеть, как она выписывает в небе узоры на своем крохотном биплане. Этим даром в полной мере был наделен и Майкл Ландер. У приборной доски дирижабля он забывал себя, освобождаясь от всех своих комплексов, обретал уверенность и способность принимать решения, становился невосприимчив к нежелательным внешним воздействиям. А мозг его во время полета обретал дар предвидения, взвешивая различные возможности, оценивая и решая одну за другой проблемы, какие еще только могли ожидать его впереди.

К 1955 году Ландер сумел стать одним из крупнейших специалистов мира в пилотировании аппаратов легче воздуха. В декабре этого года, при проведении серии труднейших испытательных полетов с авиабазы ВМФ в Саут-Веймуте, штат Массачусетс, он был назначен вторым пилотом. Они исследовали влияние обледенения на летательные аппараты при полетах в сложных метеоусловиях. Весь экипаж дирижабля был удостоен приза «Хармон Трофи» за проведение этих исследований.

И тут Майкл встретил Маргарет. Он познакомился с ней в январе в офицерском клубе в Лейкхерсте, как раз когда все носились с ним, как с кинозвездой, считали его героем после полетов с Веймутской базы. Это было началом самого счастливого года в его жизни.

²¹ Кинестетическое чувство – зд.: обостренное восприятие положения и движений собственного тела в единстве с положением и движениями управляемого механизма.

В свои двадцать лет Маргарет была очень хороша собой и только-только приехала из Западной Вирджинии. Ландер, герой-летчик в красивой, прекрасно подогнанной форме, без труда покорила ее сердце. Как ни странно, он оказался первым мужчиной в ее жизни, и то, что ему пришлось учить ее любви, давало ему невыразимое наслаждение. Однако потом, когда он думал, что она ему изменяет, воспоминания об этом периоде их жизни причиняли ему столь же невыразимые муки.

Они венчались в Лейкхерсте, в церкви, название которой было выведено на настенной доске из обломка дирижабля «Акрон».

Теперь Ландер осознавал себя через два главных достижения своей жизни: обретения замечательной профессии и замечательной жены. Он пилотировал самый объемный, самый длинный, самый обтекаемый дирижабль в мире. И он считал, что во всем мире нет женщины красивее Маргарет.

Маргарет! Ее и сравнить было невозможно с его матерью. Иногда по ночам, очнувшись от сна, героиней которого была его мамаша, он подолгу смотрел на Маргарет и восхищался, находя все больше черт, делавших ее такой непохожей на миссис Ландер-старшую.

Появились дети – двое; летом они брали свою яхту и все вместе отправлялись на нью-джерсийское побережье Атлантического океана. Порой они бывали очень счастливы. Маргарет, натура хоть и не очень глубокая, со временем все же начала осознавать, что Ландер не вполне соответствует образу, созданному ее воображением. Она ждала от него постоянной теплоты и поддержки, а Майкла швыряло из одной крайности в другую. Временами он бывал трогательно заботлив и нежен, но если что-то не ладилось на работе или дома, он замыкался в себе и был неприветлив и холоден. А порой пугал ее вспышками неожиданной жестокости.

Они совершенно не могли обсуждать возникающие проблемы. Майкл либо поучал ее менторским тоном и не слушал никаких возражений, что безумно ее раздражало, либо вообще не желал разговаривать. Так они были лишены самой возможности катарсиса²² через ссоры, пусть хотя бы и редкие.

В начале шестидесятых он стал редко бывать дома, так как пилотировал ZPG-3W. Стодвудцатиметровый гигант, этот дирижабль был самым большим в мире летательным аппаратом с мягким покрытием. Двенадцатиметровая радарная антенна внутри его оболочки была тогда ключевым звеном в государственной системе воздушных средств раннего обнаружения. Ландер был совершенно счастлив, и его поведение дома вполне соответствовало состоянию его души. Но быстрое развитие ДРО – системы средств дальнего радиолокационного обнаружения – и создание наземных радарных установок значительно снизили оборонную роль воздушных кораблей. 1964 год стал последним годом в карьере Ландера – пилота воздушных кораблей. Его отряд был расформирован, дирижабли демонтированы, и сам он спустился с небес на землю. Его перевели на штабную работу.

Все это сразу же сказалось на его отношении к Маргарет. Все чаще и чаще в те часы, что они оставались вдвоем, Майкл замораживал ее своим молчанием. Вечерами он устраивал ей настоящие допросы о том, как она провела день. Занятия ее в течение дня были вполне невинными. Он не верил. Постепенно он охладил к ней и физически. К концу 1964 года ее занятия в течение дня перестали быть такими уж невинными. Но она искала не столько сексуальных утех, сколько тепла и дружеского участия.

Во время Вьетнамской войны Ландер пошел добровольцем в вертолетные части. Его приняли с распростертыми объятьями. Теперь он был увлечен тренировочными полетами. Майкл снова летал. Он привозил Маргарет дорогие подарки. Она испытывала неловкость, принимая их, но это было гораздо лучше, чем его недавнее отношение к ней.

²² Катарсис (*греч.*) – очищение; в психологии – высвобождение подавляемых эмоций.

Его последний отпуск перед отправкой во Вьетнам они провели на Бермудах. И хотя все разговоры Ландера были утомительно перенасыщены техническими деталями и касались в основном полетов на винтокрылых аппаратах, он был очень внимательным, а порою по-особому нежным и любящим. Маргарет откликнулась ему всей душой. И Ландеру казалось, что он никогда еще не любил ее так, как теперь.

Десятого февраля 1967 года Ландер совершал сто четырнадцатый спасательный полет, поднявшись с борта авианосца «Тикондерога» в Южно-Китайском море. Через полчаса после захода луны он завис над темными океанскими водами недалеко от Донг-Хоя. Ландер должен был патрулировать пятнадцатимильную зону в ожидании «фантомов» и «скайрейдеров», возвращавшихся с задания. Один из «фантомов» был подбит. Пилот сообщил, что правый двигатель у него «сдох», включился пожарный сигнал. Он попытается дотянуть до моря, прежде чем катапультируется вместе со вторым пилотом.

Ландер в кабине своего вертолета, под шум винта, держал постоянную связь с пилотом подбитого «фантома». Вьетнамский берег темной тяжелой массой лежал у него с левого борта.

– Динг ноль один, пойдете над водой, просигнальте огнями, если сможете. – Ландер мог обнаружить экипаж «фантома» на воде по аварийному радиосигналу, но ему хотелось выиграть как можно больше времени. – Мистер Диллон, – окликнул он бортстрелка, – мы идем вниз, держите прибрежную зону под прицелом. Оперативный центр сообщает, в зоне нет наших судов. Любая нерезиновая лодка – не наша.

Голос пилота в наушниках зазвучал громче:

– Командир, второй двигатель сигналит, в кабине дым. Катапультируемся. – Он прокричал свои координаты, и, прежде чем Ландер успел повторить их, связь прервалась.

Ландер хорошо знал, что сейчас там происходит: оба пилота опускают щитки на защитных шлемах, сбрасывается фонарь, и пилоты вместе с креслами катапультируются, ракетой взмывая в холодный воздух, затем, совершив переворот, освобождаются от кресел, и вот – рывок, и они спускаются сквозь холодную мглу в черноту джунглей.

Он направил машину к берегу. Лопасти винта шлепали, размешивая влажный морской воздух. Теперь ему предстояло решить, ждать ли прикрытия с воздуха, оставаясь в прибрежной зоне и установив радиокontakt с пилотами «фантома», или идти за ними в одиночку.

– Вон он, смотрите, сэр! – воскликнул второй пилот.

Примерно в миле за линией берега вспыхнул в воздухе огненный сноп – это взорвался «фантом». Ландер летел уже над прибрежной полосой, когда услышал радиосигнал экипажа. Попросив о прикрытии, он не стал дожидаться и повел вертолет низко над двухъярусным шатром джунглей, не зажигая бортовых огней. Световой сигнал мигнул с изрезанной колеями узкой дороги. Приземлившись, эти двое позаботились обозначить вертолету место посадки. И места для винта меж двумя рядами деревьев здесь было достаточно. Если посадить вертолет, Ландер сможет взять пилотов на борт быстрее, чем втягивать их по очереди вверх на крюке. Вертолет скользил вниз, вниз между двумя рядами деревьев, пригибая воздушной струей от винта траву на обочинах дороги, и вдруг – ночь взорвалась оранжевыми вспышками, и стены кабины разлетелись на куски, и он сам, залитый кровью второго пилота, падал и падал куда-то, теряя управление, теряя разум и задыхаясь от запаха горячей резины.

В бамбуковой клетке Ландер не мог ни встать, ни вытянуться во весь рост. Пулей ему раздробило руку, и нестерпимая боль не оставляла его ни на минуту. Иногда он начинал бредить. У захвативших его вьетнамцев не было никаких лекарств, кроме нескольких порошков сульфамида из старой, еще французских времен аптечки. Руку ему накрепко привязали к планке от какого-то ящика. Боль билась в руке не прекращаясь, дергала, точно нарыв. После трех дней, проведенных в клетке, Ландера отправили пешком в Ханой. Малорослые жилистые вьетнамцы

гнали его вперед под дулами автоматов Калашникова. Это были люди в грязных черных штанах и куртках, зато автоматы у них были вычищены до блеска.

В первый месяц заключения в Ханое Ландер сходил с ума от боли в руке. Он сидел в одной камере со штурманом ВВС, молчаливым и задумчивым человеком по имени Джергенс. Джергенс был раньше учителем зоологии. Он накладывал холодные компрессы на искалеченную руку Майкла и пытался утешить его, как умел. Но он просидел уже довольно долго и сам был не очень-то устойчив. На тридцать седьмой день после того, как Майкл появился в его камере, Джергенс начал кричать не умолкая, и вьетнамцам пришлось забрать его из камеры. Ландер разрыдался, когда Джергенса увели.

Однажды, на пятой неделе заключения, молодой врач-вьетнамец вошел в камеру с небольшим черным чемоданчиком в руке. Ландер отскочил к стене. Двое охранников схватили его и держали, пока врач вводил ему в руку мощное обезболивающее средство. Облегчение наступило мгновенно – Ландера словно омыли прохладные водяные струи, возвращая способность мыслить. И пока, в течение часа, действовала местная анестезия и он мог рассуждать, его уговаривали заключить сделку.

Ему разъяснили, что Демократическая Республика Вьетнам не располагает достаточными медицинскими средствами, чтобы лечить даже своих собственных раненых. Но к нему пришлют хирурга, и тот постарается привести в порядок его руку; ему дадут лекарства, чтобы облегчить боль, если он подпишет признание в совершенных им военных преступлениях. К этому времени Майклу было ясно, что если бесформенный кусок мяса, в который превратилась его кисть, не начать приводить в порядок немедленно, он может потерять не только кисть, но и всю руку до плеча. Он никогда больше не сможет летать. Ландер подумал, что такое признание, подписанное в *таких* условиях, вряд ли будет всерьез воспринято на родине. А даже если и будет, он предпочтет здоровую руку доброму о себе мнению. Действие обезболивающего кончалось. Боль снова пронизала руку от кисти к плечу. Ландер согласился.

Однако он вовсе не был готов к тому спектаклю, который ему устроили. Когда он увидел трибуну и комнату, буквально набитую военнопленными, сидящими, словно ученики в школьном классе, когда ему сказали, что он должен прочесть свое признание им, он замер как вкопанный. Тогда его выволокли назад, в прихожую. Широкая, пропахшая рыбой ладонь зажала ему рот, а второй охранник стал выкручивать ему обе руки. От боли он чуть не потерял сознание. И закивал, яростно закивал головой, соглашаясь и силясь освободиться от зажавшей ему рот ладони. Ему снова ввели обезболивающее, когда привязывали руку под курткой так, чтобы ее не было видно.

Он читал, шурясь от яркого света, а кинокамера все стрекотала и стрекотала.

В первом ряду сидел человек с обветренным, в шрамах, лицом и узкой хищной головой: он был похож на ошипанного ястреба. Полковник Ральф Де Йонг, самый старший по званию среди офицеров в этом лагере. Двести пятьдесят восемь дней из четырех лет плена он провел в одиночке. Когда Ландер заканчивал свое признание, полковник произнес неожиданно громко, голос его был слышен в самых дальних углах комнаты:

– Это ложь.

Двое охранников тут же набросились на Де Йонга и выволокли его из комнаты. Ландеру пришлось прочесть заключительную часть еще раз. Де Йонг снова попал на сто дней в одиночку и был посажен на урезанный паек.

Северовьетнамские врачи оперировали Ландеру руку в госпитале на окраине Ханоя. Госпиталь – здание с голыми ободранными стенами и выбитыми окнами, в проемах вместо стекол – бамбуковые циновки. Врачи не очень хорошо справились со своей задачей. Оперировавший Ландера хирург с глазами, красными от вечного недосыпания, понятия не имел о косметической хирургии. Кроме того, у него было очень мало обезболивающих средств. Зато хватало лигатуры, проволоки из нержавеющей стали и терпения. И он делал, что мог, долго и тща-

тельно трудясь над паукообразной уродиной, распластанной перед ним на операционном столе. В результате ему удалось вернуть руку к жизни – она снова могла функционировать. Хирург говорил по-английски и пользовался любой возможностью попрактиковаться в языке. Оперирова, он вел с Ландером долгие и до безумия скучные беседы.

Ландер, отчаянно искавший, чем бы занять мысли во время операции, и глядевший по сторонам, только бы не смотреть на собственную руку, вдруг заметил в углу операционной старый французский аппарат искусственного дыхания, явно давно стоявший без дела. Он приводился в действие мотором, который работал на постоянном токе и вращал эксцентрик, приводивший в движение искусственные легкие. Ландер – горло у него порой перехватывало от боли – спросил, что случилось с аппаратом.

– Мотор сгорел, – объяснил хирург, – и никто не знает, как его починить.

Это был прекрасный способ отвлечься и хоть на миг забыть о боли, и Майкл пустился в рассуждения об обкладках конденсаторов разного рода и о том, как следует перематывать катушки. Пот градом катился по его лицу.

– А вы что, сможете его починить? – Хирург наморщил лоб. Он пытался справиться с крохотным узелком. Не больше головки светлячка. Не толще зубного нерва. Но огромное раскаленного добела солнечного шара.

– Да, – ответил Ландер и стал рассказывать врачу о медной проволоке и катушках; некоторые слова он обрывал на середине.

– Ну вот, – произнес хирург. – На сегодня все.

В большинстве своем американские военнопленные вели себя, с точки зрения военного командования, весьма достойно. Они прождали столько лет, чтобы вернуться на родину и по-прежнему четко салютовать ей, держа недрогнувшие ладони наискось у запавших на изможденных лицах глаз. Это были решительные парни, жизнерадостные, способные быстро восстанавливать душевные силы. Люди с идеалами.

Именно таким был и полковник Де Йонг. Когда он вышел из одиночки и снова возглавил военнопленных лагеря, то весил всего пятьдесят шесть килограммов. Глубоко запавшие глаза его под обтянутым иссохшей кожей лбом горели алым пламенем, словно глаза христианского мученика, отражающие пламя сжигающего его костра. Но он не вынес своего приговора Ландеру, пока не увидел его в камере с мотком медной проволоки, за починкой какого-то мотора для северовьетнамцев. А рядом с ним – тарелку с рыбьими костями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.